

900
497

Д.Н. АНИКОВ

Пять лет в отряд

... ГЕНЕРАЛА ...

МИЩЕНКО

ВОЕННОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

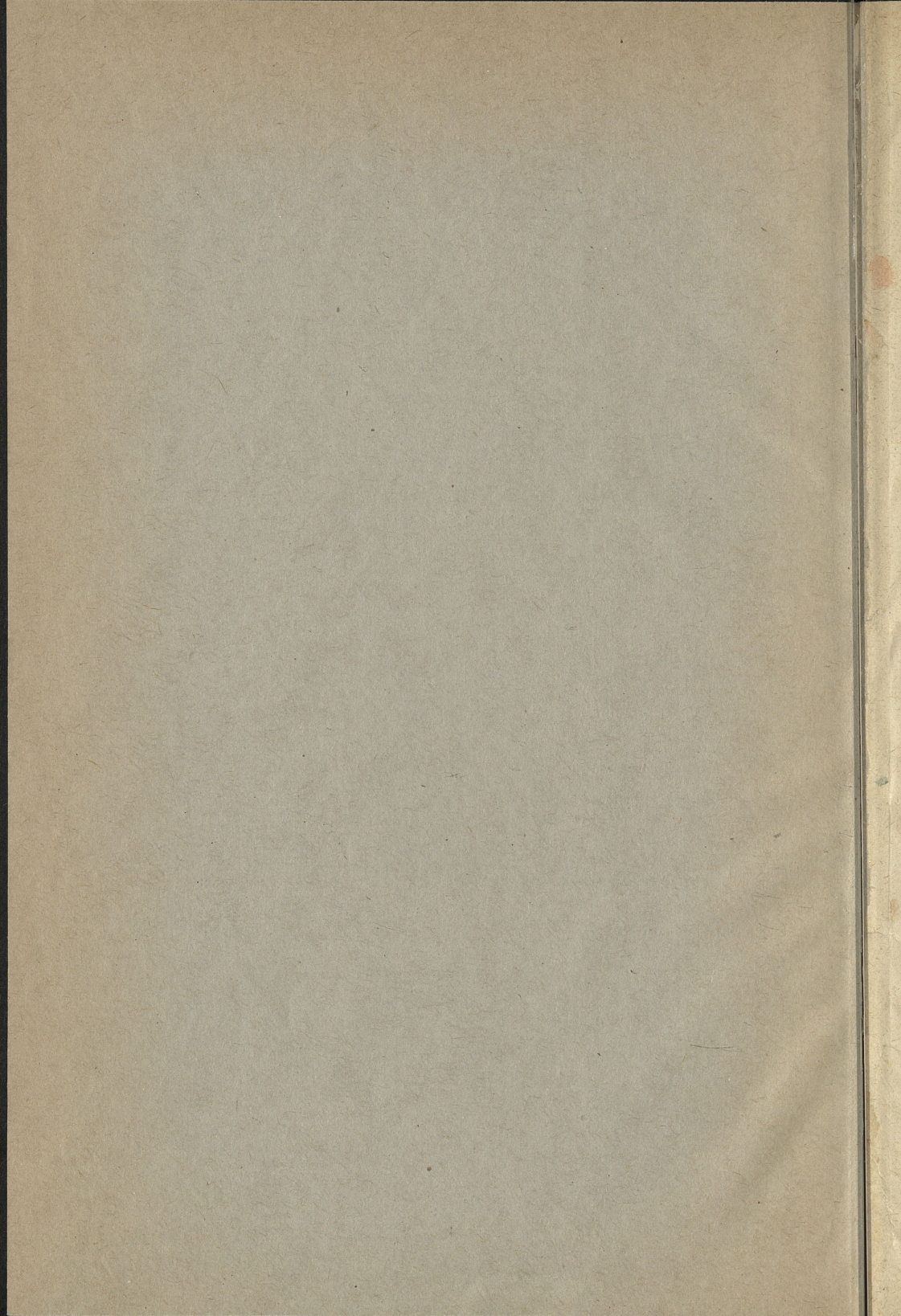
..... В.К. ШНЕУРЪ

4-6
В-17
II 819

Русск. - мон. в-ва

6690

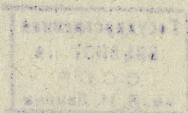
△ 900/497
м

во
им

Въ отрядъ

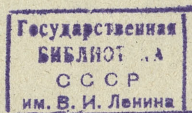
ПЯТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ ОТРЯДѢ генерала Мищенко.

Воспоминаніе участника Д. И. Аничкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Электрпечатня Я. Левенштейна, Екатерингофскій пр., 10—19.

12781-65

1500218641

Было уже почти совершенно темно, когда пассажирскій поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, пыхтя паровозомъ, медленно подходилъ къ станціи Дашичао, конечному пункту моего путешествія. Здѣсь я долженъ былъ высадиться и выгрузить моихъ лошадей, а затѣмъ, такъ или иначе, добраться до отряда генерала Мищенко, который, какъ говорили, находился въ это время верстахъ въ 25—30 къ юго-востоку отъ станціи, на лѣвомъ флангѣ передовыхъ позицій южнаго фронта арміи.

Но ѣхать сейчасъ, конечно, было немислимо. Пришлось дожидаться утра. На мое счастье поѣздъ оставался на станціи Дашичао до слѣдующаго дня, и такимъ образомъ мнѣ можно было отлично выспаться въ вагонѣ, да и лошадей не выгружать до свѣта, что меня крайне успокаивало, такъ какъ за тѣснотой и позднимъ временемъ буквально некуда было приткнуться.

На одномъ изъ боковыхъ путей стоялъ поѣздъ командующаго арміей, и весь вокзалъ поэтому былъ биткомъ набитъ публикой. На платформѣ и въ залѣ перваго класса у столиковъ группами сидѣли генералы и офицеры всѣхъ родовъ оружія, врачи, сестры, чиновники, корреспонденты съ красными повязками на лѣвомъ рукавѣ...

Тутъ же взадъ и впередъ сновали солдаты въ сѣрыхъ картузахъ и рубашкахъ, китайцы, какіе-то подозрительные типы въ черкескахъ съ кинжалами у пояса, нѣсколько штатскихъ...

Два-три фонаря тускло освѣщали всю эту пеструю толпу, въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ человѣческихъ голосовъ, свистковъ паровозовъ, ржанія лошадей и муловъ. То тамъ, то сямъ изъ этого

сплошного гула рѣзко выдѣлялся чей-нибудь пьяный смѣхъ или трехэтажная площадная брань...

Было душно, какъ передъ грозой, но небо было ясно, усеянное мириадами звѣздъ. Побродивъ по дебаркадеру, я вышелъ на ту сторону станціи въ небольшой садикъ, откуда слышались громкіе голоса пировавшихъ офицеровъ. Разсчитывая наткнуться на кого-нибудь изъ своихъ товарищей или знакомыхъ, я обошелъ весь садъ, дворъ между станціонными зданіями, заглянулъ на балконъ одного изъ домовъ, но никого не нашелъ и уже собирался итти въ свой вагонъ спать, какъ вдругъ невдалекѣ услышалъ знакомый голосъ. Это былъ одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, котораго я зналъ еще по Петербургу. Отъ него я узналъ все, что мнѣ было нужно, относительно отряда генерала Мищенко, а главное, что для меня было особенно важно, онъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь же у самой станціи находился обозъ одного изъ казачьихъ полковъ отряда, вслѣдствіе чего сообщеніе съ послѣднимъ было исполнено организовано.

Получивъ такимъ образомъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я отправился на ночлегъ въ свой вагонъ, гдѣ и проспалъ вплоть до семи часовъ утра.

Итакъ, пока обстоятельства мнѣ благопріятствовали, и попасть въ отрядъ оказалось совсѣмъ не такъ трудно, какъ мнѣ это представлялось.

Съ утра погода была превосходная, и день обѣщалъ быть хорошимъ.

Наскоро умывшись, я, чтобы не терять золотого времени, отправился на поиски обоза 11-го Оренбургскаго казачьяго полка, который и оказался тутъ же на небольшой горкѣ, около самой станціи. Какъ разъ сегодня долженъ былъ отправляться въ отрядъ транспортъ при офицерѣ. Къ этому транспорту я и рѣшилъ присоединиться, о чемъ и сообщилъ начальнику его подбесаулу Свиридову.

Выступленіе назначено было въ часъ дня. Можно было успѣть пообѣдать, что было очень кстати, такъ какъ впереди предстоялъ довольно длинный и утомительный путь верхомъ по горамъ, гдѣ, кромѣ холодной воды, конечно, достать ничего нельзя. Между тѣмъ, становилось все жарче и жарче, солнце начинало печь неимоვნно,

воздухъ накалился, дыханіе останавливалось въ горлѣ. Это была самая жгучая пора лѣта, вообще очень жаркаго въ этой части Манчжуріи. Невыносимая жара, доходившая въ срединѣ іюля до 50° по Реомюру, часто прерывалась ливнями, которые на нѣсколько минутъ освѣжали температуру; но съ тѣмъ большей силой принималось жечь солнце, какъ только проходилъ дождь и вновь прояснялось небо.

Въ описываемый день (это было 21-го іюня 1904-го года) необыкновенная жара съ самаго утра не предвѣщала ничего хорошаго, и, дѣйствительно, около двухъ часовъ, когда мы, наконецъ, тронулись отъ станціи Дашичао, на краю горизонта съ восточной стороны показалось сѣроватое облачко.

— Быть дождю сегодня,—сказалъ подъесаулъ Свиридовъ.—Ну-ка, ребята, живѣй! Все готово?

— Все, ваше благородіе!

— Ну, съ Богомъ! Шагомъ маршъ!

Было два часа, и въ этотъ день уже нельзя было рассчитывать добраться до отряда. Лишь бы доѣхать до дождя до поста летучей почты да тамъ и переночевать. До поста этого было всего верстъ пятнадцать, и дорога шла почти все время по долинѣ, такъ что можно было быть на ночлегѣ часамъ къ шести.

Застучали колеса, потянулись одна за другой двуколки, нагруженные печенымъ хлѣбомъ, сухарями и другими продуктами, которыхъ нельзя было находить на мѣстѣ и потому приходилось постоянно подвозить къ войскамъ изъ складовъ, магазиновъ или отъ станцій Китайской желѣзной дороги.

Мы, офицеры, тронулись первыми и поѣхали впереди, придерживая нашихъ коней, чтобы не утомить напрасно обозныхъ лошадей. Насъ было трое: 11-го Оренбургскаго казачьяго полка подъесаулъ Матвѣй Аванасьевичъ Свиридовъ (полковой казначей), сотникъ Петръ Васильевичъ Красноярцевъ и я.

Спустившись съ высоты, на которой былъ расположенъ обозъ, мы вытянулись въ широкую долину, сплошь засѣянную гаолянномъ, чумизой и бобами. Тамъ и сямъ виднѣлись небольшія китайскія деревушки. Сѣровато-желтыя стѣны глинобитныхъ фанзъ съ почернѣвшими отъ дождя гаоляновыми или такими же сѣрыми черепичными крышами, однообразныя, унылыя, почти сливались съ

окружавшей ихъ почвой, съ песчанымъ русломъ пересохшей рѣки, съ дикими, оголенными утесами видѣвшихся впереди горъ. Только молодая, свѣжая зелень полевовъ, да кое-гдѣ около деревень небольшія «священныя» роши надъ могилами разнообразили этотъ тоскливый пейзажъ. Китайскіе домики-фанзы, окруженные стѣнами съ наглухо запертыми воротами, казалось, погружены въ какой-то странный сонъ. Отсутствие жизни на улицѣ, полная тишина, изрѣдка лишь нарушаемая пронзительнымъ лаемъ собакъ, неприятно поражаетъ глаза русскаго человѣка, привыкшаго слышать въ деревнѣ то звонкую пѣсню, то громкій говоръ мужиковъ и болтовню бабъ.

Китайцы большую часть времени проводятъ въ своихъ фанзахъ, женщины ихъ почти не показываются на улицу, и только группы ребятишекъ да отвратительныя черныя свиньи однѣ оживляютъ унылую картину китайской деревни. Между деревнями почти нѣтъ дорогъ, если не считать небольшихъ тропинокъ да пересохшихъ руселъ рѣчекъ, по которымъ въ сухое время года и производится колесное движеніе на арбахъ. Другихъ экипажей, кромѣ арбъ, нѣтъ, и «манзы» не знаютъ иного сообщенія, какъ верхомъ или пѣшкомъ. Выносливые, неумолимые, они на своихъ войлочныхъ подошвахъ способны пробѣгать десятки верстъ въ самую нестерпимую жару, одѣтые въ одни синіе штаны, обнаженные до пояса съ совершенно открытой головой. Прекрасно сложенные, широкоплечіе, загорѣлые, они представляютъ рѣзкій контрастъ съ нашими противниками—«японцами», среди которыхъ рѣдко встрѣтишь человѣка, достигающаго нашего средняго роста.

При видѣ проходящихъ русскихъ войскъ обыкновенно все населеніе деревни, т.-е. всѣ мужчины и дѣти, высыпаетъ на улицу, стоя или сидя на корточкахъ и добродушно улыбаясь, глазѣтъ на солдатъ, дѣлая свои замѣчанія на томъ особенномъ нарѣчій, на которомъ объясняются между собой русскіе и китайцы вдоль всей линіи желѣзной дороги и тамъ, гдѣ уже побывали наши войска.

— Шанго?—спрашиваетъ солдатъ.

— Шанго!—кричитъ китаецъ.

— Шима пудза? Какая деревня?

Китаецъ говоритъ какое-то мудреное названіе, котораго никто не понимаетъ и котораго не найдешь ни на одной картѣ. Всѣ хо-

хочутъ, и китайцы, и наши, и разговоръ продолжается въ томъ же духѣ.

— До-ши-ли Сіартай (сколько верстъ до Сіартая)?—спрашиваетъ солдатъ.

— Сіартхай? Сіартхай?—недумѣваютъ манзы, удивленно переглядываясь, и, наконецъ, догадавшись, кричатъ всѣ вмѣстѣ:

— Китайза ли сыга (китайскихъ верстъ четыре), лусыки ли лянга (русскихъ верстъ двѣ)!

Около колодцевъ услужливые «манзы» ставили для проходящихъ войскъ свои четырехгранныя жестяныя ведра, сами доставали воду, спуская ведро на длинной веревкѣ.

Миновавъ нѣсколько маленькихъ деревень, изъ коихъ нѣкоторыя были брошены жителями, и сдѣлавъ около пятнадцати «лусыки ли», мы увидали впереди большую деревню, утопавшую въ зелени высокихъ, кудрявыхъ ракитъ, расположенную на краю широкаго, желтаго песчанаго русла довольно большой, но совершенно высохшей, рѣки. Это была деревня «Танъ-чи», гдѣ мы и должны были ночевать.

Безпрестанно поглядывая на небо, которое становилось все темнѣе и темнѣе, мы уже давно перестали сдерживать нашихъ коней. То и дѣло посвистывали казачьи найгайки, и обозныя лошадки изъ всѣхъ силъ тащили по глубокимъ колеямъ и рытвинамъ высоко нагруженные двуколки.

Оставалось не больше двухъ верстъ до ночлега.

— Ну, веселѣй, веселѣй, ребята!—кричитъ Свиридовъ, поглядывая на огромную, черную тучу, уже нависшую надъ нашими головами.

Вотъ упала первая крупная капля, за ней вторая, третья, и вдругъ какъ изъ ведра хлынулъ ливень. По пересохшему руслу покатались первыя волны. Минуть черезъ пять мы уже были у берега и успѣли перейти рѣчку вбродъ по колѣно.

На томъ берегу подъ высокими ракитами стоялъ взводъ 12-го Оренбургскаго казачьяго полка. Лошади были привязаны къ коновязи, люди ютились въ палаткахъ, а въ ближайшей фанзѣ помѣщался начальникъ поста летучей почты сотникъ Хмыровъ, который и приютилъ насъ у себя на ночь.

Не успѣли мы снять и развѣсить свое насквозь промокшее платье, какъ въ фанзу вбѣгаетъ дневальный казакъ и докладываетъ, что рѣчка вышла изъ береговъ и вотъ-вотъ сейчасъ затопитъ бивакъ. Немедленно пришлось убрать на дворъ фанзы всѣхъ лошадей, а казакамъ размѣститься въ постройки, занятыхъ китайцами. Оставаться подъ открытымъ небомъ въ такой ливень было немыслимо, и, какъ ни ворчали «манзы», а пришлось имъ эту ночь потѣсниться. Въ какіе-нибудь полчаса рѣчка вышла изъ береговъ и съ шумомъ и ревомъ катилась по недавно еще совершенно сухому песчаному руслу. Дворъ передъ фанзой превратился въ сплошное болото, по которому едва пробирались казаки, съ трудомъ вытаскивая изъ грязи свои ноги, на которыя наростали огромные комья сѣрой, липкой глины.

— Эй, ребята, чаю! Живо!—закричалъ Хмыровъ, и черезъ нѣсколько минутъ услужливый «станичникъ» уже ставилъ передъ нами огромный закопѣлый чайникъ съ кипяткомъ.

Нигдѣ и никогда съ такимъ наслажденіемъ не пьешь чай, какъ въ походѣ! И въ этотъ разъ, промокшіе и продрогшіе, мы съ жадностью выпили по нѣсколько кружекъ, чувствуя, какъ теплота мало-по-малу проникаетъ въ тѣло. Спать легли на «канѣ» въ повалку, подложивъ подъ головы сѣдельныя подушки и укутавшись бурками. Усталость взяла свое, и очень скоро вся фанза погрузилась въ сонъ.

Когда на слѣдующее утро насъ разбудилъ ворвавшійся въ полураскрытое окно яркій лучъ солнца, на дворѣ уже не было ни одной лошади, и казаки снова раскинули на берегу рѣчки свои палатки. Отъ вчерашняго бурнаго потока не осталось и слѣда, и прежняя маленькая рѣчка мирно струилась по влажному золотистому песку. По краямъ двора уже можно было пробираться вдоль стѣнъ, не запачкавъ ногъ, а по ту сторону рѣки каменистая дорога была совершенно суха. Лишь кое-гдѣ сверкали на солнцѣ небольшія лужи, да съ деревьевъ иногда капали крупныя капли шурша между листьями и съ шумомъ ударяясь о землю.

Мѣстность между деревней «Тан-чи» и расположеніемъ отряда генерала Мищенко гористая.

Выступивъ съ ночлега въ двѣнадцать часовъ дня, мы, пройдя съ версту долиной, углубились въ ущелье.

Дорога, сперва песчаная, перешла въ каменистую, усыпанную мелкой галькой, и лошади легко тащили двуколки, не отставая отъ ѣхавшихъ впереди офицеровъ. Высокія, отвѣсныя скалы окаймляли ущелье съ обѣихъ сторонъ, мѣстами небольшіе горные ручейки съ шумомъ стекали внизъ, распространяя вокругъ себя пріятную свѣжесть. По скаламъ росли низкорослыя сосны и кусты орѣшника, у подошвы ко дну ущелья густо сплетались между собой небольшія деревца вродѣ акацій, а у самой дороги тянулись ряды высокихъ, кудрявыхъ ракичь.

Въ ущельѣ было далеко не такъ жарко, пахло сырой землей, въ кустахъ щебетали воробьи. У всѣхъ стало веселѣе на душѣ. Кто-то сзади замурлыкалъ протяжную казачью пѣсню, и глухо отдавались въ горахъ слова этой пѣни, странно переливались звуки въ каменныхъ громадахъ исполиновъ-горъ.

По сторонамъ дороги стали попадаться страшно заражавшіе воздухъ трупы павшихъ лошадей и муловъ. Нѣсколько маленькихъ деревень у подножья горъ были, очевидно, покинуты жителями, ибо оконныя рамы въ фанзахъ были вынуты, и ни внутри, ни снаружи не видно было ни одной человѣческой фигуры. Поля вокругъ деревень вытоптаны, всюду слѣды костровъ и палатокъ, брошенными пустыя банки изъ-подъ консервовъ. Очевидно, здѣсь недавно проходили войска. Близость боевой обстановки чувствуется по всему. Еще одинъ переваль (два уже пройдены), и мы у цѣли. Вотъ онъ уже виднѣется впереди, а вотъ и саперы, разрабатывающіе дорогу черезъ переваль для провоза орудій и обозовъ. Когда мы около пяти часовъ дня спускались, наконецъ съ послѣдняго перевала въ широкую долину «Мугую», надъ нашими головами снова засверкало ослѣпительно-яркое солнце, и насъ снова обдало нестерпимымъ жаромъ. Узкая, плохо разработанная, горная дорожка, круто спускаясь съ перевала, вывела насъ прямо къ небольшой, мелководной рѣчкѣ, извивавшейся по дну долины. По ту сторону послѣдней вправо и влѣво тянулся высокій горный краѣ, зеленый, пустынный, мѣстами поросшій мелкимъ лѣсомъ, мѣстами совершенно обнаженный. По долинѣ раскинулись двѣ-три маленькія деревушки, носившія, какъ сама долина, общее названіе «Мугую». По пологимъ скатамъ горъ у самыхъ подошвъ бѣлѣлись ряды палатокъ, гдѣ вытянувшихся въ линію, гдѣ разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

По низкому, только-что всходившему гаюлянѣ паслись казачьи кони, въ рѣчкѣ солдаты и казаки полоскали бѣлье и умывались. Слышался беззаботный смѣхъ, веселый говоръ, гдѣ-то напѣвали «Разлуку»... Глядя на эту мирную обстановку, не хотѣлось вѣрить, что тутъ бивакъ «передового» отряда, что за этими горами—уже непріятель...

Еще такъ недавно казалось мнѣ, что все это такъ далеко, еще такъ недавно слово «война» рисовало моему воображенію картины одну другой фантастичнѣе, одну другой величественнѣе! Пальба, дымъ, пушки, сверкающіе штыки... И вдругъ—полная тишина, мирная картина и «Разлука»...

— Какой отрядъ?—спросилъ я проходившаго солдата въ грязной рубахѣ и сброй лѣтней фуражкѣ безъ кокарды.

— Енарала Мишшенка — отвѣтилъ солдатъ, приложившись къ козырьку и указавъ рукой на виднѣвшуюся на склонѣ одного изъ холмовъ небольшую зеленую палатку.

— Генераль въ той палаткѣ?

— Такъ точно, ваше выс-діе.

— Заѣзжайте сперва къ намъ—сказалъ подѣхавшій сзади М. А. Свиридовъ,—а потомъ пойдете и къ генералу.

Я поблагодарилъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ по направленію къ биваку Оренбургскихъ казаковъ. Весь отрядъ былъ расположенъ вмѣстѣ: въ срединѣ 7-й пѣхотный сибирскій Красноярскій полкъ и два батальона 11-го пѣх. Сиб. Семипалатинскаго полка, правѣ ихъ 1-я Забайкальская казачья и 6-я конно-горная (пограничной стражи) батареи, лѣвѣе—забайкальцы 1-го Верхнеудинскаго и 1-го Читинскаго полковъ; по сую сторону долины, у самой деревни, гдѣ помѣщался штабъ отряда, раскинулся бивакъ 11-го Оренбургскаго казачьяго полка.

Подѣхавъ къ послѣднему, мы соскочили съ коней и, передавъ ихъ казакамъ, вошли или, вѣрнѣе, вползли въ офицерскую палатку одной изъ сотенъ. Здѣсь, приведя въ нѣкоторый порядокъ свой туалетъ, я черезъ четверть часа отправился въ штабъ отряда. Въ тѣсной, довольно грязной фанзѣ на покрытомъ циновками канѣ полулежалъ, рассматривая карту, худощавый брѣнетъ небольшого роста съ молодымъ, загорѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ только-что начинающейся бородкой. Увидѣвъ меня, офицеръ всталъ и, при-

вѣтливо протянувъ руку и извинившись за костюмъ, назвалъ себя. Это былъ начальникъ штаба передового отряда, подполковникъ Георгій Акимовичъ Мандрыка.

Представившись ему, въ свою очередь, я спросилъ, когда можно будетъ явиться къ генералу.

— Да хоть сейчасъ,— отвѣтилъ подполковникъ,— если только генераль проснулся. Сейчасъ узнаемъ. Пожалуйте.

Я былъ одѣтъ въ рубашку, покрытъ потомъ и пылью, и мнѣ казалось неудобнымъ въ первый разъ явиться начальнику отряда въ такомъ неприличномъ видѣ. Но этикетъ, видимо, не входилъ въ кругъ обычаевъ этой милой, дружной семьи, душой которой былъ самъ Павелъ Ивановичъ Мищенко, простой, гостепріимный, закаленный въ бояхъ воинъ, свѣтлый образъ котораго надолго остается въ памяти у каждого, кому приходилось провести съ нимъ хоть нѣсколько часовъ.

— Нашъ генераль церемоній не любитъ,— сказалъ, улыбаясь Георгій Акимовичъ и, быстро накинувъ китель, повелъ меня къ зеленой палаткѣ, расположенной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фанзы. Тамъ уже кто-то былъ, и слышались громкіе, о чемъ-то спорившіе голоса и веселый смѣхъ. Мы вошли, и я представился начальнику отряда, въ распоряженіе коего я былъ командированъ. Генераль всталъ съ походной кровати и очень ласково протянулъ мнѣ свою жилистую, черную отъ загара руку. Изъ-подъ растегнутаго ворота его рубашки виднѣлась такая же черная, загорѣвшая грудь. Липо его, обвѣтренное, съ потрескавшейся на носу кожей, привѣтливо улыбалось, а въ маленькихъ сѣрыхъ глазкахъ свѣтились честность и доброта. Павелъ Ивановичъ нервно теребилъ правой рукой сѣдую бородку, расчесывая ее въ обѣ стороны, и въ разговорѣ черезъ каждый десять-пятнадцать словъ повторялъ «знаете ли».

Говорятъ, что первое впечатлѣніе бываетъ, обыкновенно, самое вѣрное. И дѣйствительно, за все время моего пребыванія въ отрядѣ генерала Мищенко мнѣ ни разу не пришлось измѣнить того мнѣнія, которое я составилъ о Павлѣ Ивановичѣ въ первый день моего съ нимъ знакомства. Наоборотъ, пріятное впечатлѣніе, полученное мною въ первый разъ, еще больше укрѣпилось и все больше и больше укрѣплялось, чѣмъ ближе я узнавалъ этого замѣчательнаго человѣка. Достаточно было мнѣ побывать съ нимъ одинъ разъ бокъ-о-бокъ

въ горячемъ бою, чтобы вполне понять то обаяніе, которое онъ производилъ на всѣхъ своихъ подчиненныхъ, отъ старшихъ офицеровъ отряда до послѣдняго рядового.

Удивительно хладнокровный подъ самымъ страшнымъ огнемъ, всегда первый при наступленіи и послѣдній при отступленіи, генералъ Мищенко умѣлъ воодушевлять, электризовать свои войска. Солдаты и казаки соревновали между собой въ храбрости и никогда не позволяли себѣ безъ приказанія начальниковъ покидать разъ занятыя позиціи. Были, правда, въ этомъ отношеніи исключенія, но лишь съ тѣми, преимущественно, резервными полками, которые, только-что прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, впервые попадали въ бой въ нашемъ отрядѣ. Такъ, въ іюлѣ, во время сильныхъ жаровъ, сибирскіе пѣхотные полки давали довольно значительный процентъ самовольно покидавшихъ позиціи солдатъ; но достаточно было генералу обратить на это вниманіе и пристыдить людей, чтобы совершенно искоренить эту пагубную привычку.

Кромѣ генеральской кровати, въ палаткѣ помѣщалась еще одна «койка», состоявшая изъ двухъ опрокинутыхъ ящиковъ съ брошеннымъ на нихъ пучкомъ жесткихъ стеблей гаоляна и покрытая старымъ ватынымъ одѣяломъ. Владелецъ этого «ложа», высокій, широкоплечій старецъ-богатырь съ густой сѣдой бородой и румянымъ лицомъ, стоялъ тутъ же въ палаткѣ такъ же, какъ и генералъ, въ одной нижней рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ. Онъ оживленно разсказывалъ что-то генералу на очень комичномъ ломаномъ языкѣ, составлявшемъ смѣсь русскаго съ черногорскимъ.

— Дѣдушка,—лаконически сказалъ Павелъ Ивановичъ, указывая мнѣ на своего сожителя.

— Пламенацъ,—въ свою очередь отрекомендовался старикъ,— а зовутъ мене уси дѣдушкой.

У «дѣдушки» было три солдатскихъ креста, полученные имъ частью въ китайскую кампанію, когда онъ такъ же, какъ и теперь, неотлучно состоялъ при генералѣ Мищенко, былъ его тѣлохранителемъ и вѣрнымъ боевымъ товарищемъ. Не смотря на свои семьдесятъ два года, этотъ богатырь черногорецъ, родственникъ князя Николая, считалъ русское дѣло своимъ и, отдавъ Красному Кресту всѣ свои скромныя сбереженія, нажитыя имъ въ послѣдніе три года въ Портѣ-Артурѣ, зачислился добровольцемъ въ 1-й Чи-

тинскій казачій полкъ. Впослѣдствіи я неоднократно видалъ «дѣдушку» показывавшимъ примѣръ хладнокровія и неустрашимости въ самыя серьезныя минуты боя, когда многіе молодые люди съ трудомъ сдерживали свои нервы. «Дѣдушка» былъ всегда спокоенъ и часто во время артиллерійской перестрѣлки выходилъ впередъ и садился гдѣ-нибудь на камень, весь бѣлый, красивый въ своемъ величественномъ спокойствіи. Глядя на этого желѣзнаго старика, невольно чувствуешь себя смѣлѣе и легче справляешься съ своими нервами. Генералъ, конечно, понималъ значеніе личнаго примѣра такой неустрашимости и за рекогносцировку подъ Сяхотаномъ 2-го іюля представилъ старика къ знаку отличія 1-й степени.

Кромѣ подполковника Мандрыки и «дѣдушки», въ составъ штаба отряда входили еще исправлявшіе должность старшихъ адъютантовъ штаба подъесаулъ 3-й Забайк. каз. батареи Петръ Леонидовичъ Потоцкій, уѣхавшій добровольно на войну съ дополнительнаго курса академіи генеральнаго штаба, и хорунжій (впослѣдствіи сотникъ) 1-й Забайк. каз. батареи Андрей Тихоновичъ Симоновъ. Засимъ еще были прикомандированные къ штабу: отрядный интендантъ штабсъ-капитанъ Вороновъ, подъесаулъ 1-й Забайк. каз. батареи Сѣменовъ, начальникъ конвоя хорунжій 1-го Верхнеудинскаго каз. полка Петровъ и фейерверкеръ 4-й Вост.-Сибир. стрѣлк. артил. бригады Троцкій (бывшій офицеръ гвард. конной артиллеріи). Лично при генералѣ временно состояли: полковникъ Владиміръ Александровичъ Карцовъ и адъютантъ командующаго арміей гвардіи ротмистръ графъ Стенбокъ. Съ нами же раздѣляли всѣ трудности походной жизни и корреспондентъ Антонъ Антоновичъ Березовскій (Ольгинскій). Съ перваго же дня моего пребыванія въ отрядѣ генерала Мищенко я почувствовалъ себя какъ дома, и у насъ вскорѣ завязались самыя лучшія товарищескія отношенія со всѣми офицерами штаба. Всѣ мы и самъ генералъ жили и столовались вмѣстѣ. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ разбивалась зеленая палатка, и тогда генералъ и «дѣдушка» жили отъ насъ отдѣльно. Но за столомъ всѣ сходились вмѣстѣ въ одной изъ занимаемыхъ нами фанзъ, а иногда и просто подъ открытымъ небомъ, если не было слишкомъ жарко, что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Одинъ изъ казаковъ-забайкальцевъ исполнялъ обязанности повара. Не затѣливая, но простая, здоровая пища безъ

всякой роскоши и чай, чай, чай... Чай былъ для насъ какимъ-то божественнымъ нектаромъ! Никогда и нигдѣ самый лучший, дорогой чай не казался намъ такимъ чуднымъ напиткомъ, какъ «плиточный» чай, который забайкальцы «разогрѣвали» намъ въ своихъ походныхъ котелкахъ. Иногда кто-нибудь изъ офицеровъ отправлялся по дѣламъ на ближайшую станцію и тогда непременно привозилъ съ собою что-нибудь съѣстное, напр., закуски, печенье, консервы изъ фруктовъ и т. п. или же вино. Генераль любилъ бѣлое вино, и ему специально привозились нѣсколько бутылокъ сотерна или крымскаго. Водку имѣли рѣдко, да и за ту приходилось платить по 2 р. за бутылку.

Раздвинувъ свои походныя кровати, офицеры штаба удѣлили мнѣ мѣстечко на канѣ, и я, утомленный двухдневнымъ путешествіемъ, завернувшись въ бурку, вечеромъ очень рано заснулъ какъ убитый.

А всего въ какихъ-нибудь четырехъ верстахъ отъ насъ за линіей нашихъ сторожевыхъ постовъ, можетъ быть, также спокойно и беззаботно спали наши враги... Это былъ первый день моей боевой жизни, первый день, когда «японецъ» уже не былъ для меня чѣмъ-то далекимъ, но являлся несомнѣннымъ, осязаемымъ, реальнымъ фактомъ, такъ какъ каждую минуту можно было ожидать встрѣчи съ противникомъ. Это былъ первый день моей боевой жизни, и я спалъ спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ, не тревожимый таинственными звуками лѣтней ночи, тѣми самыми звуками, которые впослѣдствіи неоднократно заставляли меня просыпаться, вскакивать и нащупывать рукой револьверъ подъ подушкой. Но тогда, въ эту «первую ночь», я спалъ невиннымъ сномъ младенца, и нервы мои были спокойны...

На слѣдующій день мы проснулись часовъ въ шесть, т.-е. проспали, потому что генераль уже съ пяти покрикивалъ изъ палатки своего вѣстового Зыкова, котораго «дѣдушка» упорно называлъ «Джика». На его южно-славянскомъ нарѣчьи всѣ русскія имена преобразовывались въ какія-то фантастическія названія, но забайкальцы привыкли къ «дѣдушкѣ» и отлично его понимали.

Скоро къ намъ въ фанзу явился генераль и тотчасъ же потребовалъ какихъ-то свѣдѣній отъ начальника штаба. Благодаря давно уже установившимся въ отрядѣ отношеніямъ, генераль дер-

жалъ себя со всѣми нами по товарищески и никогда не претендовалъ, если при входѣ его въ наше помѣщеніе мы продолжали лежать или сидѣть.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! Вѣдь я сколько разъ повторялъ, господа!—говорилъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь по привычкѣ вытягивался передъ нимъ въ струнку.

Это прекрасное, простое обращеніе съ нами, чуждое всякой официальной натянутости, не мѣшало, однако, нашимъ служебнымъ отношеніямъ, и дисциплина, настоящая боевая дисциплина, соблюдалась нами свято и нерушимо.

Въ этотъ день, 23-го іюня, на позиціяхъ все было спокойно, и непріятель не тревожилъ нашихъ аванпостовъ. Погода измѣнилась: стало прохладнѣе. Дѣлать намъ было абсолютно нечего, и только одинъ Георгій Акимовичъ *) возился со своими штабными бумажными дѣлами. Книгъ у насъ съ собой не было, и мы старались коротать время разговорами. Говорили о войнѣ, о непріятелѣ, о далекой родинѣ, старались угадать, что тамъ теперь думаютъ, чувствуютъ и говорятъ.

Днемъ кто-то пріѣхалъ со станціи и привезъ номеръ «Россійской» газеты. Старый, истрепанный печатный листокъ, сдѣлавшій девять тысячъ верстъ, не смотря на запоздалыя свѣдѣнія, привлечь на себя всеобщее вниманіе и, переходя изъ рукъ въ руки, надолго повернулъ наши мысли туда, на «Дальній Западъ», гдѣ столько сердецъ съ тревогой бились за насъ, не зная, гдѣ мы и что съ нами... А мы мирно сидѣли въ фанзѣ и думали... о нихъ...

— Три часа,—сказалъ кто-то.

— Теперь въ Петербургѣ два, часть, двѣнадцать... половина девятого утра. Пьютъ чай, читаютъ газеты.

Всѣ вздохнули, стало какъ-то невесело.

— Зыковъ!—кричитъ генераль изъ своей палатки.—Вели сѣдлать коня!

Всѣ встрепенулись. Черныхъ мыслей какъ не бывало.

— Куда?—промелькнуло у каждого въ головѣ.—Можетъ быть, на позицію?

Въ Красноярскомъ полку оказалось много больныхъ дизенте

*) Убитъ въ бою подъ Шахъ.

ріей, и начальникъ отряда, только что получившій дневную записку врача, нахмурился и озабоченно зашагалъ по площадкѣ впереди палатки, заложивъ обѣ руки за спину.

— Георгій Акимычъ, поѣдемте на бивакъ Красноярскаго полка!—закричалъ онъ издали начальнику штаба.

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣтилъ тотъ, нехотя доставая сапоги изъ-подъ койки.—Лошадь!

Черезъ десять минутъ оба, и генераль, и его начальникъ штаба, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конвойныхъ казаковъ, уже спускались въ лощину и шагомъ ѣхали по направленію къ красноярскому биваку. А еще черезъ четверть часа, донеслись до насъ громкія, отчетливыя привѣтствія:

— Здравія желаемъ, ваше—ство!

Скоро на бивакахъ заиграли хоры музыки, запѣли пѣсенники 6-й батареи. Всѣ оживились. Самъ генераль вернулся въ хорошемъ настроеніи духа.

— Андрей Тихоновичъ!—весело кричалъ онъ еще издали хорунжему Симонову, завѣдывавшему столовой,—скоро ужинъ?

Оказалось, что красноярцы случайно попали, по всей вѣроятности, на ранѣе зараженный бивакъ, потому что видимыхъ причинъ для развитія эпидемій не было: пища во всѣхъ ротахъ, была прекрасная, расположеніе людей на бивакахъ вполне отвѣчало всѣмъ санитарнымъ и гигиеническимъ условіямъ. Генераль расхвалилъ командира полка полковника Редько за его заботливость по отношенію къ людямъ и вынесъ убѣжденіе, что начальство тутъ виновато не было.

Надо сказать, что заботливость генерала Мищенко о подчиненныхъ ему людяхъ доходила до высшей степени. Онъ требовалъ отъ начальниковъ всѣхъ ранговъ его отряда, чтобы нижніе чины были всегда хорошо накормлены и одѣты, строго слѣдилъ за исполненіемъ своихъ приказаній и неумолимо каралъ за всякія упущенія въ области довольствія солдатъ пищей, одеждой и пр. И нижніе чины, хорошо знавшіе эту заботливость о нихъ генерала, глубоко цѣнили его за это и были душой ему преданы.

Генераль Мищенко умѣлъ заставить, исполнять его приказанія, умѣлъ наказывать, умѣлъ и похвалить и все это онъ дѣлалъ совершенно просто и спокойно, никогда не прибѣгая къ рѣзкимъ, а

тѣмъ болѣе, жестокимъ мѣрамъ. Достоинъ вниманія, что Павелъ Ивановичъ *никогда не сквернословилъ и не ругался*. Привычка браниться столь свойственна большей части военныхъ людей, что, первое время, мнѣ странно было видѣть человѣка, не только никогда не ругающагося, *но даже и не позволяющаго себѣ возвышать голосъ на самаго послѣдняго рядового*. Разъ какъ-то, помню, вывелъ его чѣмъ-то изъ терпѣнія Зыковъ. Надо было видѣть, сколько труда стоило Павлу Ивановичу просто пожурить провинившагося слугу, при чемъ выговоръ скорѣе походилъ на добрый совѣтъ старшаго младшему, чѣмъ на разность нижняго чина генераломъ.

И что же? Гдѣ было больше порядка и дисциплины, какъ не въ нашемъ отрядѣ? Гдѣ съ большимъ рвеніемъ относились къ службѣ, чѣмъ у насъ? Какая-то внутренняя, духовная связь соединяла насъ съ нимъ, сливала въ одно неразрывное цѣлое. Мы чувствовали и понимали, что за каждаго изъ насъ Павелъ Ивановичъ будетъ стоять горой, что прежде, чѣмъ послать кого-нибудь изъ насъ на смерть, онъ будетъ долго взвѣшивать и соображать и, если видѣть, что послать надо, пошлетъ твердо, рѣшительно, безъ отговорокъ. И все безъ исключенія шли безропотно, куда бы онъ насъ ни направилъ.

То же, думаю, испытывали и солдаты. И для нихъ Павелъ Ивановичъ былъ «отцомъ», заботливымъ добрымъ, любящимъ и въ то же время неумолимо строгимъ «отцомъ».

Какъ же они его и любили! Какъ популярно было имя «Мищенко» вплоть до самаго сердца Россіи!

Зачѣмъ судьба не допустила генерала Мищенко до высшихъ командныхъ степеней? Зачѣмъ не давали ему болѣе важныхъ порученій, чѣмъ командованіе передовымъ отрядомъ? Съ его пониманіемъ обстановки, способностью не теряться въ самыя критическія минуты, личной храбростью и умѣньемъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ онъ сдѣлалъ бы чудеса, и, кто знаетъ, какъ бы повернулась эта злополучная кампанія!

Но при всѣхъ своихъ качествахъ генералъ Мищенко обладалъ еще однимъ свойствомъ, симпатичнымъ, но, увы, для него самого невыгоднымъ: *онъ былъ скромнъ и о себѣ никому никогда не*

напоминалъ. Военной славой своей онъ всецѣло обязанъ своимъ индивидуальнымъ способностямъ, честному, прямому характеру и доброму сердцу. Славу его создали солдаты и казаки, для которыхъ онъ былъ кумиромъ. Они въ каждый моментъ готовы были положить за него свои души, изъ кожи лѣзли, чтобы заработать ему эту славу и, конечно, достигли цѣли: Павелъ Ивановичъ Мищенко сталъ *народнымъ* героемъ наравнѣ со Скобелевымъ и, можетъ быть, даже и Суворовымъ.

Нѣтъ большей силы въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ сила духовная. Не даромъ Наполеонъ говорилъ, что три четверти успѣха зависятъ отъ моральнаго элемента, тогда какъ все остальное составляетъ лишь одну четверть! Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что современные войны, въ частности же только-что минувшая кампанія, составляютъ нѣчто особенное, не похожее на прежнія кампаніи, по которымъ мы изучали и продолжаемъ учить военное искусство. Да, правда, въ области вотъ этой послѣдней «четверти», дѣйствительно, много перемѣнилось: усовершенствовалось оружіе, увеличились поля сраженій и театры военныхъ дѣйствій въ зависимости отъ техническихъ усовершенствованій; измѣнился кореннымъ образомъ взглядъ на военную службу, какъ на обязательную повинность каждаго способнаго носить оружіе гражданина, сильно возросла численность армій и т. д. *Но тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ элементъ духовный, тѣмъ важнѣе тѣ «три четверти», о которыхъ говорилъ такой авторитетъ, какъ Наполеонъ!*

И что же мы видимъ? Кто изъ нашихъ современныхъ генераловъ (кромѣ генерала Мищенко) сдѣлалъ что-нибудь, чтобы пріобрѣсти любовь солдата? Кто изъ нихъ пользовался популярностью въ арміи? Въ лучшемъ случаѣ о нихъ говорили безъ всякаго увлеченія:—«Да, такой-то хорошій генералъ».—Или:—«Да, такого-то любить войска».—*Но никакого энтузіазма!* Ни объ одномъ изъ нихъ никто не отзывался съ увлеченіемъ, съ восторгомъ. *Только имя генерала Мищенко, дѣйствительно, „гремѣло“.* Онъ одинъ сумѣлъ сдѣлаться не только любимымъ начальникомъ, но прямо *кумиромъ своихъ войскъ*. Попасть въ отрядъ Мищенко считалось всѣми за большую честь, этимъ гордились и офицеры, и солдаты.

И вотъ такой начальникъ, который однимъ словомъ можетъ

двинуть любя войска на неслыханные подвиги, втеченіе всей первой половины кампаніи размѣнивался вышшимъ начальствомъ на мелкую монету и исполнять лишь второстепенныя задачи! Затѣмъ, правда, дали ему корпусъ, но, увы, корпусъ спеціальный, кавалерійскій, т.-е. его направили именно по тому пути, къ которому у него было меньше всего и стремленія, и способностей! Будучи по спеціальности артиллеристомъ, генераль Мищенко съ самаго начала кампаніи попалъ въ фальшивое положеніе, получивъ назначеніе быть кавалерійскимъ начальникомъ. Хорошо еще, что у противника нашего, собственно, настоящей кавалеріи и не было вовсе, да и по характеру мѣстности приходилось больше дѣйствовать пѣшкомъ!

При такихъ обстоятельствахъ и неподготовленный генераль сумѣлъ вывернуться, если у него голова на плечахъ. Но вотъ—Инкоускій набѣгъ. Это уже—чисто-кавалерійское дѣло, требующее спеціальной подготовки. Въ результатъ—неудача!

Но вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе вывести генерала Мищенко изъ того положенія, въ которомъ онъ очутился благодаря ошибочному назначенію, его окончательно утвердили и укрѣпили на всю кампанію въ званіи кавалерійскаго генерала, т.-е. вмѣсто того, чтобы исправить ошибку, еще больше ее подчеркнули.

Что же это: ошибка только или умышленное нежеланіе выдвинуть способнаго, талантливаго начальника? Или, быть можетъ, нашли, что генераль Мищенко *слишкомъ молодъ?*... А сколько бы блестящихъ дѣлъ сдѣлалъ онъ, если бы его таланты нашли прямое примѣненіе!

Это сознавали всѣ мы, близко стоявшіе къ нему, знавшіе его характеръ и глубоко цѣнившіе его недюжинныя военныя дарованія и свѣтлый, ясный умъ.

Но, видимо, судьба, неумолимая, злая судьба, указала намъ въ эту злосчастную войну дѣлать только одни промахи и ошибки!...

На слѣдующій день въ нашу однообразную жизнь внесъ нѣкоторое оживленіе только-что вернувшійся съ развѣдки прикомандированный къ Читинскому полку прапорщикъ Рообергъ, прибывшій въ Манчжурію въ качествѣ добровольца. Съ двумя урядниками онъ отправился пѣшкомъ за линію японскихъ сторожевыхъ постовъ и втеченіе нѣсколькихъ дней наблюдалъ за противникомъ,

питаюсь, чѣмъ Богъ послалъ, прячась днемъ и выйдя ночью. Самымъ цѣннымъ показаніемъ этого отважнаго офицера было то, что у дер. Вандзяпудзы, въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ нашего расположенія, сосредоточено до тридцати тысячъ японцевъ. Ген. Мищенко былъ очень доволенъ доставленными свѣдѣніями, благодарилъ прапорщика Рооберга и приказалъ ему немедленно же собираться въ Ляоянь для личнаго доклада Командующему. Одинъ изъ урядниковъ, Герасимовъ, прикомандированный къ Читинскому полку донской казакъ-охотникъ, тутъ же произведенъ былъ начальникомъ отряда въ вахмистры, а Командующій на слѣдующій день наградилъ его знакомъ отличія 4-й степени.

Весь вечеръ мы провели въ обществѣ смѣлаго прапорщика, который былъ героемъ дня и рассказывалъ намъ подробности своихъ четырехдневныхъ приключеній. Отдохнувъ послѣ ужина нѣсколько часовъ, Рообергъ ночью уѣхалъ въ Ляоянь.

Еще одинъ день, 25-го, мы провели въ полномъ бездѣйствіи. Утромъ получено было приказаніе осадить пѣхоту назадъ за перевалы. Красноярскій полкъ былъ отведенъ, согласно приказанія за горы по направленію къ дер. Тан-чи, семипалатинцы же остались съ нами. Такимъ образомъ у генерала Мищенко къ 26-му іюня было два батальона пѣхоты и 19 сотенъ казаковъ при 10 орудіяхъ, а именно: 1-й бат. Семипалатинскаго полка подполковн. Эмануэль, 2-й бат. того же полка подполковн. Чхеидзе, 4 сотни 11-го Оренбург. каз. полка войскового старшины Гурьева, 4 сотни 12-го Оренбург. каз. полка войскового старшины Бычкова, 5 сотенъ 1-го Верхнеудинскаго полка забайкальскаго казачьяго войска полковника Маціевскаго, 6 сотенъ 1-го Читинскаго полка того же войска полк. Павлова, 1-я Забайкальская казачья батарея войскового старшины Гаврилова (6 ор.) и 6-я конно-горная батарея пограничной стражи штабсъ-ротмистра Ковальскаго (4 ор.).

Офицеры 11-го Оренбургскаго полка пригласили генерала со всѣмъ штабомъ обѣдать на другой день, 26-го. Въ назначенный часъ мы явились къ нашимъ радушнымъ сосѣдямъ по биваку и расположились подъ деревьями въ нарочно разбитой для торжества палаткѣ. Туда же прибылъ и командиръ оренбургской казачьей бригады генералъ-майоръ Толмачевъ, бывшій съ 12-мъ полкомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ впереди нашего лѣваго фланга. Но

только-что мы успѣли съѣсть супъ и намѣревались приниматься за второе блюдо, какъ изъ сторожевого охраненія прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что непріятель перешелъ въ наступленіе и тѣснить наши посты.

Генераль сейчасъ же всталъ изъ-за стола, извинился и быстрыми шагами направился къ своей палаткѣ. Тотчасъ же отданы были приказанія. Твердый, увѣренный голосъ начальника во всѣхъ насъ мгновенно вселить полное спокойствіе. Маленькое волненіе, неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ тотчасъ же исчезло, уступивъ мѣсто вниманію и хладнокровію. Генераль въ этотъ моментъ былъ центромъ, около котораго невольно сгруппировались всѣ присутствующіе. Каждый изъ насъ, ожидая распоряженій, готовъ былъ безпрекословно исполнить все, что бы онъ ни приказалъ. Добрый товарищъ, снисходительный и ласковый начальникъ внѣ боя, теперь онъ, предчувствуя серьезность ожидающей его задачи, являлся неумолимымъ, строгимъ повелителемъ. И всѣ присутствовавшіе понимали состояніе его духа, видѣли складку на лбу между сѣдыми бровями и чувствовали, что этотъ человѣкъ шутить не любитъ, что онъ сознаетъ всю важность момента, когда многіе изъ насъ, его подчиненныхъ, а можетъ быть, и онъ самъ, увидятъ близость смерти...

Въ подобные моменты во всей красотѣ своей выказывается величіе духа такихъ людей, какимъ былъ Павелъ Ивановичъ.

— Ну, ѣдьте, господа,—сказалъ онъ спокойно, обращаясь къ намъ.

Мнѣ лично предстояло ѣхать въ первый разъ въ бой. Что долженъ испытывать въ такой моментъ каждый, не слыхавшій ни разу свиста пуль,—понятно всякому. Тѣмъ болѣе поражало меня это каменное спокойствіе человѣка, передъ которымъ я за эти три дня уже привыкъ преклоняться, спокойствіе человѣка, бывалаго въ бояхъ, для котораго сегодняшняя перестрѣлка—сущіе пустяки.

И, видя это спокойствіе, я самъ почувствовалъ, какъ въ мое сердце проникаетъ какая-то каменная, твердая увѣренность вмѣстѣ съ полнымъ довѣріемъ къ нему, нашему вождю, отъ воли котораго будетъ много зависѣть результатъ сегодняшняго дня.

Позднѣе мнѣ приходилось бывать въ дѣлахъ съ другими начальниками, но никогда не ощущалъ я этой каменной увѣренности

въ томъ, что все кончится прекрасно, и не можетъ быть никакой катастрофы. Мищенко здѣсь, съ нами,—значить, все будетъ хорошо. Это ощущеніе испытываютъ всѣ, и всѣ совершенно спокойно и увѣренно исполняютъ свое дѣло.

Мы молча сѣли на лошадей и тронулись шагомъ вдоль лощины по направленію къ «Черной Горѣ», откуда ожидалось наступленіе непріятеля.

— Удастся ли вернуться?—думалъ, вѣроятно, каждый изъ насъ, глядя на окружающія долину горы и темносинее, ясное, безоблачное небо.

Нѣсколько китайцевъ попались намъ навстрѣчу. Но вотъ впереди что-то движется по дорогѣ. Это—четыре казака несутъ на носилкахъ тяжело раненаго японца. На вопросъ генерала казаки отвѣтили, что они захватили въ плѣнъ двухъ раненыхъ кавалеристовъ, при чемъ одинъ уже умеръ, и китайцы его закопали. Оставшійся въ живыхъ также подавалъ мало надежды: пуля ударила его въ крестецъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался ускользнуть отъ нашихъ казаковъ. Японецъ лежалъ безъ движенія, поднявъ колѣни къверху. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: оно было совершенно желтое, некрасивое, скуластое, но молодое.

Не доѣзжая до деревни Танэрлгоу, мы свернули вправо и по крутой, извилистой тропинкѣ забрались на высокую «сопку», откуда вся поперечная долина Танэрлгоу-Сяхотанъ была какъ на ладони.

Впередъ былъ двинутъ 2-й батальонъ Семипалатинскаго полка и нѣсколько сотенъ забайкальцевъ, которые, спѣшившись, пошли влѣво и заняли гребни горъ противъ дер. Сяхотана. Генералъ Толмачевъ съ восемью сотнями оренбургскихъ казаковъ и 1-мъ батальономъ семипалатинцевъ направленъ былъ еще лѣвѣе къ деревнѣ Сяньхатану. На вершинѣ нашей сопки мы нашли наблюдательный постъ отъ Читинскаго казачьяго полка. Казаки «согрѣли» намъ чайку, и мы съ жадностью выпили каждый по нѣсколько кружекъ, закусывая черными казачьими сухарями.

Между тѣмъ семипалатинцы подполковника Чхеидзе, продвигнувшись по равнинѣ впередъ, залегли цѣпью за небольшой складкой мѣстности и открыли рѣдкій огонь. Противникъ сначала особенной энергіи не проявлялъ, и наши цѣпи перебѣжками продви-

гались все дальше и дальше. Но вотъ на темномъ фонѣ горныхъ массивовъ мелькнулъ бѣлый какъ вата клубокъ дыма, и круглое облачко поплыло вдоль гребня сопокъ. Затѣмъ раздался сухой трескъ, и маленькіе люди-точки быстро зашевелились въ разныя стороны. Шрапнель разорвалась по сю сторону нашей пѣхоты, ближе къ намъ, т.-е. вышелъ «перелетъ». За первымъ снарядомъ прилетѣли второй, третій... Началась потѣха. Бывшія съ нами два конно-горныхъ орудія были направлены влѣво къ генералу Толмачеву, такъ какъ, по донесеніямъ, тамъ ожидалось главное наступленіе. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что и противъ нашего праваго фланга были выставлены четыре орудія.

Генераль тотчасъ же послалъ на бивакъ приказаніе немедленно прибыть двумъ орудіямъ казачьей батареи, а самъ все время не спускалъ глазъ съ того, что происходило впереди.

Семиналагинцы дальше не продвигались, но и не подавались назадъ, очевидно хорошо укрывшись въ складкѣ мѣстности. Но вотъ по дорогѣ пронесли одного раненаго, другого. Вотъ казачьи коноводы начали продвигаться влѣво: очевидно, разрывы происходили близко отъ ихъ расположенія.

Прошло около получаса, а орудій почему-то все не было. Начальникъ отряда начинать уже сердиться, когда, наконецъ, вдали показался столбъ пыли, а черезъ какихъ-нибудь четверть часа взводъ подъ командой подбесаула Станкевича крупной рысью уже выѣхалъ на позицію. Быстро снявшись съ передковъ, забайкальцы открыли огонь «по невидимой цѣли», поражая противника за горами.

Пріятно было видѣть, какъ оба орудія наши по очереди посылали снаряды, со свистомъ разрѣзавшіе воздухъ и разрывавшіеся гдѣ-то тамъ въ горахъ, поражая какого-то невидимаго, сказочнаго врага. Слышенъ былъ только трескъ разрывовъ, да иногда бѣлѣло облачко между отдѣльными вершинами, рѣзко выдѣляясь на темномъ фонѣ горъ. Это было въ пять часовъ дня, а въ шесть непріятельскія орудія уже приведены были къ молчанію. Позднѣе бывшіе въ лѣвой колоннѣ рассказывали, какъ мѣткі были выстрѣлы забайкальцевъ: имъ было хорошо видно, какъ нѣсколько шрапнелей разорвалось какъ разъ надъ непріятельской пѣхотной колонной, которая тотчасъ же разбѣжалась въ разныя стороны.

Въ 7 часовъ вечера генераль приказалъ отходить назадъ.

Пока, такимъ образомъ, на правомъ флангѣ подъ личнымъ руководствомъ начальника отряда мы успѣшно продвинулись впередъ и привели къ молчанію непріятельскую артиллерію, влѣво отъ насъ колонна ген. Толмачева выдерживала огонь шести непріятельскихъ орудій, не имѣя у себя ни одного (наши два горныхъ орудія по какому-то недоразумѣнію до лѣвой колонны не дошли и въ бою участія не приняли). Семипалатинцы подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ должны были отступить, при чемъ имъ пришлось оставить все свое имущество, т.-е. палатки, шинели, мѣшки и пр.

Получивъ объ этомъ донесеніе, ген. Мищенко нахмурился и тутъ же продиктовалъ генералу Толмачеву приказаніе немедленно перейти снова въ наступленіе и держаться, во что бы то ни стало, пока не отойдетъ правая колонна, а ему не будетъ прислано приказаніе отойти назадъ.

— Нѣтъ-съ, такъ нельзя! Это что же такое?—ворчалъ генераль.—Чуть немножко тяжело, сейчасъ и отступилъ!

Слова «отступилъ» онъ вообще не выносилъ, всегда сердился, когда получалъ подобнаго рода донесенія, и на этотъ разъ не измѣнилъ своему принципу, а главное, приказалъ непремѣнно подобрать все оставленное имущество, для чего нарядить, сколько потребуется, казаковъ въ помощь пѣхотѣ.

— Кто тамъ батальонный командиръ?—спрашивалъ насъ генераль.—Нѣтъ-съ, такъ нельзя, знаете ли.

Уже стемнѣло, когда наша правая колонна, выйдя изъ ущелья, вытянулась по долинѣ Муіую. Начальникъ отряда, обгоняя войска, благодарилъ отдѣльно каждую часть. Особенно онъ похвалилъ артиллеристовъ и 2-й батальонъ семипалатинцевъ.

Въ результатѣ у насъ оказалось за этотъ день убитыхъ 4 и раненыхъ 15 нижнихъ чиновъ. Въ офицерахъ потерь не было. Уже поздно ночью на бивакъ прибылъ генераль Толмачевъ и доложилъ, что все имущество семипалатинцевъ подобрано, и части отошли къ биваку въ полномъ порядкѣ.

Спать лечь пришлось въ этотъ день довольно поздно, а на завтра предстояло движеніе, такъ какъ въ 4 часа утра приказано всему отряду отойти назадъ за перевалы къ деревнѣ Сятаичи.

Въ 3 часа утра 27-го числа мы были разбужены по обыкновенію громкимъ голосомъ генерала:

— Зыковъ, умываться!

Быстро вскочили и мы, наскоро вымылись, одѣлись, хлебнули чайку и ровно въ 4 часа выступили по направленію на дер. Кашигоу. Распредѣленіе нашего отряда теперь было слѣдующее.

Оба оренбургскихъ полка заняли линію сторожевого охраненія по гребню горъ къ сѣверу отъ деревни Мугую (лѣвый флангъ), 1-й Верхнеудинскій полкъ—отъ той же деревни къ юго-западу (правый флангъ). Оба батальона и забайкальская батарея заняли деревню Тан-чи, а остальные войска вмѣстѣ съ начальникомъ отряда и его штабомъ расположились бивакомъ у дер. Ся-тан-чи, куда и прибыли къ 12 часамъ дня, сдѣлавъ переходъ около десяти верстъ.

Погода намъ благопріятствовала: было ясно, сухо и не особенно жарко. Мѣстность около дер. Ся-тан-чи была довольно живописная. Дорога мѣстами вилась около самаго берега, настолько близко, что приходилось спѣшиваться и пробираться по одному, ведя коня въ поводу, по самому краю обрыва. Рѣка, какъ всегда въ это время года, была мелководна, но довольно широка (сажень 15—20), и чистая вода ея манила купаться. Кони наши съ жадностью припали къ водѣ и долго съ наслажденіемъ глотали свѣжую влагу.

Мы съ «дѣдушкой» уѣхали впередъ и, найдя просторную и сравнительно чистую фанзу, при помощи казаковъ очистили ее отъ грязнаго, вонючаго китайскаго скарба и въ ней помѣстились, отведя одну половину для генерала съ «дѣдушкой», а другую—для штаба. Скоро прибыли остальные, и дворъ фанзы наполнился людьми, животными, нагруженными китайскими арбами и двуколками. Китаецъ, возившій за нами на арбѣ, запряженной нѣсколькими лошадьми и мулами, все наше кухонное хозяйство, развязавъ свой возъ, казаки достали дровъ, развели огонь и тотчасъ же принялись варить обѣдь, что было очень кстати, потому что съ самаго утра ни мы, ни они еще ничего не ѣли. Въ ожиданіи обѣда я пошелъ бродить по деревнѣ. Дер. Ся-тан-чи, какъ и всѣ китайскія деревни, большія и малыя, богатя и бѣдныя, построена по обычному лекалу. Узкія, кривыя улицы, фанзы, большею частью глинобитныя, окружены такими же глинобитными стѣнками, образующими внутри каждаго двора довольно просторную площадку,

совершенно плотно-утрамбованную въ сухое время года и непроходимо грязную, лишь только пройдетъ хорошій дождь. По срединѣ, прямо противъ входныхъ воротъ—главная фанза, по бокамъ перпендикулярно къ первой еще по одной, иногда по двѣ съ каждой стороны. Эти фанзы менѣе роскошны и предназначаются обыкновенно для младшихъ членовъ семьи и для рабочихъ, если таковые имѣются.

Въ углахъ квадратной площадки иногда помѣщаются круглыя глинобитныя же постройки безъ оконъ съ одной небольшою дверцей на высотѣ груди человѣка. Это—амбары для склада зерна, зелени и пр. У богатыхъ хозяевъ стѣны фанзы строятся не изъ глины, а изъ особо обожженного по китайскому способу совершенно сѣраго кирпича, или же изъ дикаго камня.

Крыши большею частью изъ промазаннаго глиной гаоляна, наложеннаго на стропила очень толстымъ слоемъ. У богатыхъ— вмѣсто гаоляна сѣрая черепица съ драконами и другими фигурками по коньку и краямъ крыши. Полы почти вездѣ земляные, и только въ очень богато устроенныхъ, даже роскошныхъ фанзахъ мнѣ нѣсколько разъ пришлось видѣть каменные полы изъ плитокъ. У передней стѣны подъ окнами каждая фанза обязательно имѣетъ широкой «канъ», крытый цыновками и согрѣваемый изнутри проложенными въ немъ печными ходами, при чемъ тонка кана производится обыкновенно въ сѣняхъ, гдѣ вмазаны большіе чугунные котлы для варки пищи. Сѣни всегда почти по срединѣ, но иногда и съ одного края фанзы. Изъ сѣней небольшая дверь ведетъ во внутреннее помѣщеніе, представляющее изъ себя, смотря по величинѣ фанзы, одинъ, два или нѣсколько «дзяней», т.е. раздѣленій. Раздѣляется комната на дзяни деревянными перегородками, у болѣе зажиточныхъ рѣзными, при чемъ перегородка идетъ не черезъ всю комнату, а лишь на ширину кана, раздѣляя такимъ образомъ, не комнату, собственно, а только канъ. Получается видъ стойлѣ. Потолковъ въ фанзахъ обыкновенно нѣтъ совсѣмъ, подъ крышей поперегъ фанзы проложены толстыя сосновыя балки, на которыхъ и укрѣплены стропила. У каждого китайца, бѣднаго или богатаго, непременно имѣются одинъ или нѣсколько шкафовъ съ большими своеобразными замками изъ свѣтлой мѣди. Шкафы полированные, изъ какого-то желтаго дерева, очень напоминающаго

нашъ ясень. Столы большею частью на коротенькихъ ножкахъ не выше полуаршина. Эти столики ставятся на канѣ, и всѣ садятся вокругъ, подобравъ подъ себя ноги.

Мнѣ приходилось видѣть фанзы очень богатые, съ кирпичными стѣнами, фантастическими въ китайскомъ стилѣ воротами, каменными полами и очень хорошей внутренней отдѣлкой изъ полированного дерева. Но всѣ онѣ строятся безъ потолковъ, и передняя стѣна кладется только на 1—1¹/₂ аршина отъ земли. Выше уже идутъ окна, т.-е. подъемныя легкія рамы съ мелкими квадратами, затянутыми вмѣсто стеколъ промасленной китайской бумагой. Бумага эта не отличается прочностью, и потому окна часто имѣютъ видъ грязныхъ лоскутьевъ, что очень портитъ внѣшній видъ постройки. Въ большихъ деревняхъ попадаются цѣлые дворцы, т.-е. все же таки фанзы, такія же одноэтажныя, типичныя, но богато отдѣланныя, окруженныя высокими (сажени въ 1¹/₂—3) кирпичными стѣнами съ бойницами и зубцами. По угламъ стѣнъ башни для наблюденія за подступами. Это—«импани», т.-е. небольшія крѣпостцы. Назначеніе ихъ—защита отъ хунхузовъ, а, кто знаетъ, иногда, быть можетъ, и притонъ тѣхъ же хунхузовъ.

Посреди деревни Ся-тан-чи въ одной изъ улицъ возвышается каменная стѣна съ запертыми наглухо тяжелыми воротами. Это—кумирня. На широкомъ, просторномъ дворѣ, устланномъ каменными плитами, стоятъ двѣ постройки китайской архитектуры съ изогнутыми черепичными крышами съ драконами по коньку и краямъ. Въ одной изъ этихъ построекъ—молельня, наполненная десяткомъ—двумя всевозможныхъ боговъ, поражающихъ своимъ безобразіемъ размалеванныхъ куколъ, большихъ, въ ростъ человека, и маленькихъ. Противъ каждого бога на небольшомъ столикѣ—приношенія: зеленый лукъ, гаоляновая каша или рисъ въ фарфоровыхъ чашечкахъ и т. п. По стѣнамъ расклеены картины, изображающія или мученія грѣшниковъ, или торжество какого-нибудь божества, или райскую жизнь праведниковъ. Тутъ же около боговъ—деревянные иконы. И картины, и иконы очень походятъ на наши: такіе же темные лики, вѣнчики надъ головами святыхъ, облаченія. Другая постройка—двухэтажная колокольная съ большимъ кованымъ мѣднымъ колоколомъ подъ крышей.

Въ китайскихъ деревняхъ есть одна особенность: всѣ безъ

исключенія фанзы обращены своей открытой (передней) стѣной на югъ. Это очень облегчало намъ оріентировку, когда не было подъ руками компаса или карты.

Расположившись въ фанзѣ, снявъ аммуницію и сапоги, мы улеглись, кто на койкѣ, которую заботливый вѣстовой уже успѣлъ раскинуть, кто просто растянувшись на канѣ, заложивъ руки подъ голову. Скоро поспѣлъ обѣдъ, т.-е. наскоро сваренный супъ, приправленный картошкой, китайскимъ зеленымъ лукомъ и еще какими-то пахучими травами. Два-три столика составлены вмѣстѣ, хозяинъ притащилъ нѣсколько лавокъ, и мы сѣли за нашу скромную трапезу.

Десятка два любопытныхъ желтолицыхъ головъ съ бритыми, высокими лбами и черными какъ уголь глазами торчали у самага окна и, болтая въ полъ-голоса на своемъ гортанномъ нарѣчій, дѣлились, очевидно, своими впечатлѣніями. Манчжуры вообще очень любопытны и способны часами стоять или сидѣть на корточкахъ на одномъ мѣстѣ, флегматично покуривая свои длинныя трубки, и молча смотрѣть намъ прямо въ глаза. Сперва мы стѣснялись съ ними и не хотѣли ихъ прогонять, но въ послѣдствіи назойливость ихъ стала невыносимой, и мы просто разгоняли ихъ безъ церемоніи. Крикнешь только «пуба!», и они моментально разбѣгаются, нисколько не обижаясь за такое рѣзкое обращеніе. Очевидно, народъ здѣсь не привыкъ къ вѣжливости со стороны начальства и потому не претендовалъ на иногда не совѣмъ деликатный способъ русскихъ «капитановъ» отдѣлываться отъ непрошенныхъ свидѣтелей. Впрочемъ наша «неделикатность» къ мѣстному населенію только этимъ и ограничивалась, потому что въ общемъ у насъ въ отрядѣ съ китайцами сохранялись самыя лучшія отношенія. Генералъ Мищенко, самъ будучи чедовѣкомъ въ высокой степени гуманнымъ и справедливымъ, не допускалъ никакихъ безобразій по отношенію къ ни въ чемъ неповинному китайскому населенію. Въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда происходили какія-либо недоразумѣнія, Павелъ Ивановичъ всегда строго взыскивалъ съ виновныхъ, если таковые находились; потерпѣвшимъ же уплачивалось щедрое вознагражденіе. За потоптанныя и стравленные поля, за топливо и помѣщеніе, словомъ, за все, чѣмъ намъ приходилось пользоваться отъ населенія ему платилось щедрою рукою. У насъ

былъ принять такой способ расплаты: призывают деревенскаго старосту и через переводчика спрашивают его, сколько слѣдуетъ уплатить жителямъ деревни за причиненные имъ убытки. Староста назоветъ цифру, и генералъ велитъ уплатить немедленно, почти всегда съ значительной надбавкой. Изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи начальника отряда специально для вышеуказанной цѣли, творилось еще одно по истинѣ доброе дѣло, за которое не одинъ солдатикъ молилъ Бога за генерала.

Дѣло въ томъ, что послѣ боевъ всегда или очень часто часть раненыхъ оставалась неподбранной, благодаря тому, что намъ почти всегда приходилось отступать. Такіе оставшіеся на полѣ сраженія раненые частью попадали въ плѣнъ къ японцамъ, частью оставались вовсе найденными и иногда по нѣскольку дней скрывались въ гаолянѣ безъ пищи и питья. Генералъ Мищенко, дабы избѣжать этого, объявилъ китайцамъ, что за каждаго найденнаго ими и доставленнаго къ намъ живымъ русскаго онъ будетъ платить по ста рублей, а за убитого по пятидесяти. И вотъ нѣсколько разъ за мое пребываніе въ отрядѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ манзы на носилкахъ, устроенныхъ изъ бамбуковыхъ палокъ, тащатъ измученнаго, истощеннаго отъ голода и потери крови раненаго солдата, вносятъ его во дворъ нашей фанзы и ставятъ передъ окномъ. Генералъ съ довольнымъ лицомъ выходитъ къ раненому, разспрашиваетъ его, хвалитъ китайцевъ, говоря «шанго, шанго!», и сейчасъ же велитъ выдать имъ обѣщанные сто рублей. Раненаго уносятъ въ лазаретъ, и у всѣхъ легко и радостно на душѣ.

Помню одного принесеннаго такимъ образомъ солдата Тобольскаго полка. О немъ сперва китайцы заранѣе сообщили намъ и обѣщали затѣмъ его доставить, на что требовалось нѣсколько дней, такъ какъ они боялись японцевъ и несли только ночью, днемъ укрываясь гдѣ-нибудь въ ущельѣ; нести же нужно было далеко, такъ какъ мы, отступая, все больше и больше отдалялись отъ нашихъ полей сраженій. Долго мы ожидали этого раненаго и уже думали, что китайцы не исполнятъ обѣщанія, какъ вдругъ 16-го іюля впереди нашей сторожевой цѣпи показалась группа людей съ какой-то тяжелой ношей. Это и былъ покинутый тоболець, лежавшій четыре дня въ гаолянѣ съ прострѣленными ногами. По его словамъ, китайцы кормили его кашей, поили водой и только выжи-

дали удобнаго момента, чтобы незамѣтно пронести его черезъ японскую сторожевую цѣпь. Солдаты рассказывали намъ, какъ будучи раненъ 11-го іюля въ обѣ ноги, онъ забился въ гаюлянъ, боясь, что японцы его приколятъ.

— Извѣстно, Ваше Высокоблагородіе,—говорилъ онъ,—живой смерти боится. Ну, я прихоронился въ кавыльянѣ. Видалъ, какъ значить, ихнія колонны проходили впередъ мимо меня. Потомъ, какъ прошли японцы, пришли вотъ они, напоили и накормили, дай Богъ имъ здоровья. Не дали погибнуть, отъ смерти спасли, спасибо имъ.

У бородатаго сибиряка при этихъ словахъ текли по загорѣлымъ щекамъ двѣ крупныя слезы. Видно, радость его была велика, когда онъ, наконецъ, увидалъ себя окруженнымъ своими, спасеннымъ отъ лютой смерти, а кто знаетъ, быть можетъ, и отъ жестокихъ мученій! Да и не онъ одинъ радовался, радовались и мы всѣ; и у насъ что-то щекотало въ горлѣ, и еще сильнѣе укрѣплялось въ насъ чувство любви и благодарности къ нашему добродушному, гуманному начальнику.

— Шанго, шанго!—весело говорилъ генераль, и загорѣлыя щеки его добродушно морщились отъ широкой, счастливой улыбки.

— Шанго, шанго,—смѣясь вторили ему желтолицыя манзы.

Въ 11 часовъ утра 28-го іюня, только что мы сѣли обѣдать, прискакалъ казакъ изъ сторожевого охраненія съ донесеніемъ, что японцы, въ числѣ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты показались на гребняхъ горъ южнѣ деревень Циэрлгоу-Пейцзыгоу. Начальникъ сторожевого охраненія, командующій 1-й сотней Читинскаго полка сотникъ, Сараевъ, просилъ подкрѣпленія. Генераль, надѣвъ пенснэ и дважды перечитавъ довесеніе, обратился ко мнѣ съ приказаніемъ тотчасъ итти на выручку Сараева и, принявъ команду надъ двумя сотнями постараться задержать японцевъ. Не прошло и четверти часа, какъ я уже шелъ, во главѣ 2-й сотни (Читинскаго же полка) подъесаула Мамонтова, по направленію къ деревнѣ Чудягоу, гдѣ расположена была застава сотника Сараева. Не скажу, чтобы на душѣ у меня было совершенно спокойно. Въ первый разъ приходилось мнѣ дѣйствовать самостоятельно,—не на маневрахъ, а въ настоящей боевой обстановкѣ, гдѣ малѣйшая неосторожность или неумѣнье могутъ повлечь за собой не одно неудовольствіе начальства и замѣ-

чаніе, а и нѣсколько излишне загубленныхъ человѣческихъ жизней. Сердце довольно громко стучало у меня въ груди, когда я, подѣхавъ къ небольшой рощицѣ, слѣзъ съ коня и поздоровался съ бывшими здѣсь людьми 1-й сотни.

Собравшись на военный совѣтъ и развернувъ карту, мы старались, на основаніи полученныхъ отъ сторожевыхъ постовъ донесеній, выяснить себѣ обстановку. Очевидно, японцы нащупывали наше расположеніе, и серьезнаго наступленія по всѣмъ даннымъ ожидать было нельзя. Боясь во всякомъ случаѣ быть отрѣзаннымъ, что въ гористой мѣстности всегда возможно, я приказалъ сотнику Сараеву оставаться въ резервѣ у дер. Чудягоу, самъ же со 2-й сотней рѣшилъ занять впереди лежащій гребень, дабы оттуда ружейнымъ огнемъ остановить движеніе непріятельской пѣхоты, буде таковая себя обнаружитъ. Перейдя вбродъ рѣчку и втянувшись въ поросшее низкими соснами ущелье, сотня спѣшилась и вышла на гребень, гдѣ и расположилась въ ожиданіи грядущихъ событій. День былъ невыносимо жаркій, и жажда томила насъ ужасно. На помощь намъ, какъ и всегда, явились казачьи котелки, у офицеровъ нашлись чай и сахаръ въ сѣдельныхъ сумахъ, затрещали на огнѣ сосновыя вѣтки, и черезъ десять минутъ мы уже пили чай съ плававшимъ на его поверхности жиромъ отъ плохо вычищенныхъ котелковъ. Но на это, конечно, никто и не думалъ обращать вниманіе, и всѣ нашли чай великолѣпнымъ. Тѣмъ временемъ, впередъ и въ стороны были высланы разъѣзды съ толковыми урядниками во главѣ каждого изъ нихъ; мы же, залегши на остро конечной вершинѣ сопки, стали наблюдать въ бинокли, что дѣлается на противоположномъ гребнѣ по ту сторону лощины.

Вонъ замелькали какія-то черныя точки.

— Что это, японцы или китайцы?

— Нѣтъ, это нашъ разъѣздъ.

— Нѣтъ, это не наши! Вонъ, вонъ двое, трое! Это—японцы.

— Никакъ нѣтъ, это—наши,—спокойно и немного улыбаясь говоритъ смотрящій безъ бинокля изъ-подъ руки урядникъ.— Это—наши, ваше высокоблагородіе! Вонъ, вонъ ихніе кони стоятъ, а вонъ и урядникъ Софроновъ!

— Гдѣ? Ничего не вижу.—И я силюсь разсмотрѣть въ свой усовершенствованный призматическій бинокль то, что уже давнымъ

давно разглядѣли рысьи глаза забайкальца. Ничего, кромѣ синяго неба и зеленыхъ горъ, на которыхъ чернѣютъ какія-то точки, я не вижу.

— Вонъ, э-вонъ, ваше выс-діе!—старается показать мнѣ казакъ, и я чувствую, какъ его черномазая, скуластая рожа едва сдерживаетъ улыбку, а маленькіе, черные глазки такъ и впились въ далекое пространство.

— Вонъ сюда глядите, ваше в-діе, пониже и полѣвѣе. Вонъ бѣлѣется конь, вонъ другой, гнѣдой, вонъ третій, вонъ еще пара. Это наши, такъ точно. Во-о-онъ по гребешку побѣжали трое, вонъ теперь туда за гребень зашли. Видно, тамъ японцевъ и близко нѣту! Должно, ушли назадъ.

Теперь ужъ и я видѣлъ ясно на синемъ фонѣ неба, какъ три пѣшихъ человѣка сперва шли шагомъ по самому гребню, потомъ побѣжали, потомъ скрылись за горой.

— Вонъ машетъ шапкой,—продолжалъ между тѣмъ урядникъ.— Это они намъ сигналы подаютъ. Это—Софроновъ, онъ, онъ!

Пока мы такимъ образомъ наблюдали впереди лежащую мѣстность, отъ прапорщика Рооберга, бывшего съ разѣздомъ вправо, получено донесеніе, что около двухъ ротъ непріятельской пѣхоты спустились въ долину и идутъ въ обходъ нашего праваго фланга. Донесеніе это тотчасъ же мною отправлено начальнику отряда; а самъ я, предупредивъ Сараева, двинулся вправо, дабы встрѣтить противника въ ущельѣ и преградить ему путь. Но отъ бывшей при мнѣ сотни за вычетомъ высланныхъ изъ нея разѣздовъ и коноводовъ оставалось на лицо немного, и мнѣ бы врядъ ли удалось предпринять что-либо серьезное противъ 400—500 человѣкъ японцевъ. Поэтому я рѣшилъ пока ограничиться наблюденіемъ и, выславъ прикомандированнаго къ Читинскому полку подпоручика 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Школина съ нѣсколькими казаками въ ущелье къ дер. Яндятунъ, остался ожидать приказанія отъ генерала.

Послѣднее не заставило долго себя ждать. Генералъ уже скакалъ съ остальными сотнями, и скоро казачьи лавы показались на равнинѣ, прошли дер. Циарлгоу и стали втягиваться въ горное дефиле, ведущее къ деревнѣ Иншину. Мнѣ приказано было постараться проникнуть до деревень Яндятунъ и Сандяю, т.-е. освѣтить

мѣстность вправо отъ занятой мною высоты, и очистить эти деревни отъ непріятеля. При этомъ я назначался начальникомъ праваго участка позиціи.

Собравъ людей второй сотни, я двинулся по указанному мнѣ направленію, при чемъ намъ пришлось карабкаться пѣшкомъ, ведя коней въ поводу. Скоро попали намъ навстрѣчу Школинъ и Рообергъ. Послѣдній имѣлъ довольно сконфуженный видъ, потому что теперь уже окончательно выяснилось, что двѣ роты японцевъ оказались просто охотничьей командой Барнаульскаго полка! Тѣмъ не менѣе намъ необходимо было воочію убѣдиться, что противника вблизи нѣтъ, и мы тронулись дальше. Спускаясь въ оврагъ, встрѣтились съ 5-й сотней, шедшей подъ командой подбесаула Козловскаго, и вмѣстѣ съ ней вышли въ долину между дер. Циэрлгоу и Сандяю. Японцевъ нигдѣ не оказалось, и мы двинулись въ обратный путь. Обогнувъ горы и перейдя вбродъ рѣчку, мы пошли долиной и вернулись въ Ся-тин-чи, уже когда почти совсѣмъ стемнѣло.

На слѣдующій день, 29-го, генералъ былъ именинникъ, и у насъ готовился пиръ, на который были приглашены генераломъ всѣ офицеры его отряда. Утромъ временно состоящимъ при штабѣ отряда священникомъ, отцомъ Иваномъ Голубевымъ, была отслужена обѣдница, послѣ которой въ 12 часовъ дня все общество собралось въ нарочно устроенной изъ имѣвшихся полотнищъ и разнаго подручнаго матеріала палаткѣ, гдѣ сервированъ былъ длинный столъ. Скатерти, конечно, у насъ не было, да мы и забыли вообще, какъ обѣдаютъ на накрытыхъ столахъ! Посуду собрали всю, какая у кого имѣлась; вмѣсто стакановъ—эмалированные желѣзные кружки. За неимѣніемъ достаточнаго количества тарелокъ приходилось иногда на одной тарелкѣ ѣсть двоимъ, вилокъ и ножей не хватало, все, словомъ, было совершенно по-походному. Меню то же, какое было у насъ каждый день, т.-е. супъ, жаренная на салѣ говядина, бараній шашлыкъ. Винъ достали со станціи и даже раздобыли нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Словомъ, генералъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы угостить на славу, и это ему вполне удалось, потому что всѣ были въ отличномъ настроеніи, и до самаго вечера никто не расходился. Пѣли пѣсенники конно-горной батареи, и играла музыка Забайкальской казачьей бригады, правда, очень плачевная и нестройная, но все же сумѣвшая изобразить нѣсколько полекъ и маршей.

А въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, на Чудягоускомъ перевалѣ были японцы! Но никто объ этомъ не думалъ: насъ охраняла славная четвертая Читинская сотня подбесаула Сарычева. Во время обѣда отъ него было получено поздравленіе и донесеніе, что на постахъ все тихо и спокойно. Бѣднягѣ въ утѣшеніе была послана бутылка шампанскаго.

Къ близости противника всѣ уже давно настолько привыкли, что о ней совершенно забывали; да оно и понятно, потому что правильно организованное, бдительное охраненіе не прерывалось ни на минуту, и въ случаѣ тревоги всегда было довольно времени, чтобы собраться व्यюкамъ и отойти всему обозу на достаточную дистанцію назадъ.

Вечеромъ было получено приказаніе всему нашему отряду отойти къ деревнѣ Цылаогоу (версть двѣнадцать къ сѣверу отъ Ся-тан-чи), что мы и исполнили на слѣдующій день. Погода на наше счастье всѣ эти дни стояла сравнительно не очень жаркая, но съ 1-го іюля стали перепадать дожди. Видимо, начинался дождевой періодъ, только въ этомъ году онъ не былъ особенно рѣзкимъ, и сильныхъ тропическихъ ливней было мало; зато самый періодъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ продолжительнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Итакъ, вотъ уже три дня, что мы бездѣйствуемъ, и генералъ сталъ подумывать, что бы предпринять, чтобы дать знать о себѣ противнику да кстати добыть свѣдѣній о его расположеніи. Въ виду сего на 2-ое число была назначена рекогносцировка по направлению на недавно нами оставленную долину Мугую и дальше къ югу, насколько позволятъ обстоятельства.

Согласно отданнаго распоряженія въ 6 часовъ утра 2-го іюля отрядъ въ составѣ Забайкальской казачьей бригады при 4-хъ конно-горныхъ орудіяхъ выступилъ съ бивака по направленію на деревни Тан-чи и Кутяцзы, слѣдуя сперва вдоль берега рѣки, а засимъ долиною Таюйгоу вплоть до самаго горнаго массива, отдѣлявшаго насъ отъ долины Мугую. Здѣсь у дер. Кутяцзы мы остановились, и всѣ четыре орудія, вынесясь на небольшую высоту, открыли огонь по деревнѣ Мугую и ея окрестностямъ, стрѣляя черезъ хребетъ по невидимой цѣли. Противникъ не отвѣчалъ, и мы, выпустивъ нѣсколько снарядовъ, снялись съ позиціи и двинулись дальше. Оренбургская бригада, занимавшая, какъ выше

упомянуто, линію сторожевого охраненія къ сѣверу отъ Мугую-Кутцзы, была направлена въ обходъ праваго фланга предполагаемаго расположенія японцевъ въ направленіи на дер. Хупейю, забайкальцы же двинулись вдоль ущелья прямо на дер. Мугую. Около полудня авангардъ подъ командою есаула князя Карагеоргиевича наткнулся на непріятельское сторожевое охраненіе, при чемъ произошла небольшая перестрѣлка, въ которой приняли участіе и оренбургцы.

Въ 12 оренбургскомъ казачьемъ полку въ этомъ дѣлѣ были ранены хорунжій Смирновъ и три нижнихъ чина.

Въ результатъ теперь было вполне выяснено, что весь горный массивъ къ сѣверу отъ Сяхотана, а равно и долина Мугую, были въ рукахъ непріятеля; численность же его здѣсь точно выяснить не удалось. Ясно было, однако, что въ этомъ районѣ сосредоточивались значительныя силы, и что въ скоромъ времени отсюда можно было ожидать наступленія на нашъ лѣвый флангъ.

Вернулись мы на бивакъ около одиннадцати часовъ ночи, съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ по изборозженнымъ глубокими рывтинами дорогамъ.

Однако не смотря на наши предположенія, противникъ не предпринималъ противъ насъ ничего серьезнаго вплоть до 11-го числа, когда разгорѣлся по всему нашему южному фронту славный Дашчаоскій бой. Мы продолжали стоять въ дер. Цылаогоу, выставляя сторожевое охраненіе южнѣе дер. Тан-чи по линіи Ся-тан-чи—Дайцзяну. Ежедневно высылались двѣ сотни подъ командой очереднаго штабъ-офицера. Вечеромъ 6-го числа пришлось итти мнѣ съ 3-й сотней Верхнеудинскаго полка сотника Чеславскаго и 2-й сотней Читинскаго полка подъесаула Мамонтова. Выставивъ линію постовъ, я съ главной заставой расположился въ небольшой рощицѣ у дер. Вонюши. Впереди было все тихо, въ охраненіи—все благополучно. Чудная, темная, звѣздная ночь располагала къ мечтаніямъ и мы долго не могли заснуть, вспоминая далекую родину.

— А должно быть, на дняхъ разыграется большое сраженіе, сказалъ кто-то.

— Надо ожидать. А то что-то япоши притихли: вѣрно, готовятся“.

— Скоро ли этой войнѣ конецъ? Надоѣла она, признаться, да и

пора уже: полгода прошло. Вотъ дадимъ хорошій бой, разобьемъ ихъ, они и запросятъ мира!

Говорятъ, что они здорово уже утомились тоже. Вѣдь имъ труднѣе, чѣмъ намъ, потому что мы все-таки подвозимъ себѣ все необходимое по желѣзной дорогѣ, а они по горамъ все на вьюкахъ тащатъ или на людяхъ. Въ такіе жары не легко это!“

„Еще одинъ хорошій бой, и конецъ войнѣ!“—такъ думали многіе изъ насъ въ первое лѣто кампаніи, когда всѣ наши неуспѣхи на сушѣ считали временными неудачами.

„Вотъ еще корпусъ придетъ изъ Россіи“!....

Но корпуса шли, а побѣды все не было и не было...

Выспались мы подъ деревьями, никѣмъ не потревоженные: ночь прошла безъ всякихъ инцидентовъ. Днемъ отъ скуки сѣли играть въ винтъ, чтобы какъ-нибудь скоротать время; да кстати сталъ накрапывать дождикъ, и пришлось убраться въ фанзу. Часовъ около шести вечера пришла смѣна, новыя двѣ сотни, а къ восьми мы уже были дома. Такъ монотонно текла наша жизнь отъ одного боя до другого: «сторожка», кой-когда небольшія рекогносцировки, вотъ и все. Младшіе офицеры хотъ въ разѣзды ходили, а нашему брату и такихъ развлеченій не доставляли.

Генералъ замѣтно тяготился отсутствіемъ дѣятельности. Не въ его характерѣ было сидѣть сложа руки и ждать, когда японцамъ угодно будетъ насъ потревожить. Его душа жаждала кипучей боевой жизни; ему хотѣлось активной работы, рискованныхъ предприятий, смѣлыхъ набѣговъ. И кто знаетъ, не былъ ли онъ тысячу разъ правъ, говоря, что такъ вести кампанію нельзя, что пассивная оборона безъ рѣшимости и извѣстной доли риска не можетъ привести къ хорошимъ результатамъ! Но какъ начальникъ передового отряда и только, онъ не могъ ничего предпринять по своей собственной инициативѣ: ему оставалось подчиняться и... ждать...

И мы ждали такимъ образомъ еще два дня. Наконецъ, на третій день съ утра послышались со стороны противника вправо отъ насъ орудійные выстрѣлы. Всѣ встрепнулись. Первый выстрѣлъ раздался ровно въ 6 час. утра, когда мы только что собрались вставать и, лѣнливо потягиваясь на нашихъ койкахъ, обмѣнивались первыми привѣтствіями.

— Это что?—вдругъ спросилъ Троцкій, когда въ ясномъ утрен-

немъ воздухѣ прогудѣлъ отдаденный звукъ, точно гдѣ-то разорвалась ракета.

— Это? Выстрѣлъ. Ого! Вонъ, вонъ какъ жарятъ! Пальба! Господа, вставать живо!—скомандовалъ начальникъ штаба.—Мостовской! умываться!

— Яковлевъ! Черенджаповъ! Урядника Трухина послать!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Генераль ужъ расхаживалъ по двору, заложивъ руки за спину и нервно подергивая плечами.

— Господа, господа! Вставать пора!—покрикивалъ онъ въ нашу сторону, и въ тонѣ его голоса слышалась серьезная нотка, такъ хорошо намъ знакомая, не допускавшая возраженій.

Живо одѣвшись и наглотавшись горячаго чаю, мы побѣжали всѣ на небольшую высоту передъ деревней и отсюда стали прислушиваться къ гулу орудійной стрѣльбы. Теперь отвѣчали и наши, что ясно было слышно по совершенно другому характеру звука.

— Должно быть, по всему фронту запаливаютъ,—сказалъ Потоцкій.

— Да, разгорается,—отвѣтилъ генераль.—Георгій Акимычъ, карту, пожалуйста!

Начались разсужденія и предположенія, каждый высказывать свое мнѣнiе. А стрѣльба все не утихала, но и не увеличивалась.

— Нѣтъ, сегодня ничего особеннаго не будетъ,—сказалъ генераль,—а завтра увидимъ! Георгій Акимовичъ, будьте любезны, прикажите все-таки сѣдлатъ бригадѣ, и артиллерія чтобы изготовилась.

Въ девять часовъ мы уже были на коняхъ и ѣхали на высоту, лежавшую южнѣ деревни, гдѣ была наша позиція и гдѣ уже стояли всѣ шесть орудій 1-й Забайкальской батареи.

Поздоровавшись съ прислугой, начальникъ отряда тотчасъ же приказалъ открыть огонь и самъ съ биноклемъ въ рукахъ сталъ руководить стрѣльбой. Два офицера были въ бѣлыхъ кителяхъ и фуражкахъ

— Господа, зачѣмъ же вы себя такъ выставяете?—сказалъ генераль,—вѣдь васъ за десять верстъ видно, и по васъ непременно откроютъ огонь. Переодѣньтесь поскорѣе, такъ нельзя.

Дѣйствительно, бѣлые кителя рѣзко выдѣлялись на фонѣ окру-

жавшей насъ мѣстности, и они могли привлечь огонь противника на батарею.

Пострѣлявъ около часа и не вызвавъ отвѣтнаго огня, генераль приказалъ двумъ взводамъ (4 ор.) перейти на слѣдующую позицію, а одному—оставаться на позиціи и пока прекратить огонь.

Вторая позиція была указана самимъ начальникомъ отряда на ровномъ полѣ въ гаоянѣ, который въ этомъ мѣсяцѣ достигъ уже значительной высоты, такъ что орудія съ прислутой отлично имъ маскировались.

Лошади запутались въ гаоянѣ, трудно было сняться съ передковъ, и люди немного замѣшались.

— Ну, что тамъ? Живѣе, живѣе, молодцы!—торопилъ ихъ генераль, не спуская глазъ съ тѣхъ массивовъ горъ, откуда, по его предположенію, должны были показаться японцы.—Подбесаулъ Никоновъ, вонъ туда прощу васъ, вѣво! Ну, поживѣе, поживѣе, пожалуйста!

Но уже казаки справились со своимъ дѣломъ, передки отбѣхали, и наводчики быстро навели орудія.

— Огонь!

Наводчикъ правофланговаго орудія дернулъ за шнуръ, орудіе рывнуло, и шрапнель съ ревомъ и свистомъ полетѣла въ горы. Бѣлый дымокъ показался на темномъ фонѣ горы и растаялъ. Раздался чуть слышный сухой трескъ.

— Недолетъ.

— Прицѣлъ тотъ же! Трубка семьдесятъ два!—командуетъ подбесаулъ Никоновъ.

— Семьдесятъ два!—отвѣчаетъ въ полголоса номеръ.

— Огонь!

Бумммъ! Вторая шрапнель полетѣла искать непріятеля.

— Перелетъ! Хорошо!

А противникъ все не отвѣчалъ, точно его здѣсь и не было, лишь правѣ насъ все еще слышна была канонада, но и та уже замѣтно стихала. Очевидно, бой оканчивался. Всѣ отлично понимали, что это только прелюдія, канунъ завтрашняго дня...

Но генералу Мищенко хотѣлось, во что бы то ни стало, вызвать огонь противника, заставить его развернуть свои силы, и послѣ нѣсколькихъ очередей стрѣльбы онъ скомандовалъ: «Въ передки!»

Живо подскакали уносы, номера подняли хобота орудій, на дѣли ихъ на передки, и батарея двинулась дальше.

Между тѣмъ на небѣ собирались черныя, зловѣщія тучи, поднялся вѣтеръ и сталъ накрапывать дождикъ, скоро превратившійся въ настоящій тропическій ливень. Было три часа дня, когда мы подъ этимъ ливнемъ, въ двѣ минуты промокшіе до костей, рысью въѣзжали въ деревню Тан-чи. Лошади скользили и спотыкались по колѣно въ водѣ, которая бурнымъ потокомъ хлынула по узкимъ, кривымъ переулкамъ деревни. Кое-какъ проскочивъ по этимъ корридорамъ, орудія, прыгая и чуть-чуть не опрокидываясь, вынеслись за околицу съ восточной стороны Тан-чи. Моментально снявшись съ передковъ, батарея открыла бѣглый огонь по непріятельскимъ цѣлямъ, спускавшимся съ ближайшей сопки и перестрѣливавшимся съ нашими казаками Читинскаго полка. Ясно было видно простымъ глазомъ, какъ маленькіе желтые люди перебѣгали между кустами. Съ обѣихъ сторонъ поднялась трескотня, ружейный огонь разгорался. Это читинцы, спустившись съ другой стороны оврага, открыли пачечный огонь на близкую дистанцію. Но, какъ только загудѣли наши орудія отъ Тан-чи, и надъ головами непріятельскихъ стрѣлковъ разорвалась первая шрапнель, желтыя фигурки моментально повернули назадъ и, перебѣгая отъ куста до куста, скоро скрылись за гребнемъ, унося съ собой раненыхъ и убитыхъ.

Вернулись мы на бивакъ къ десяти часамъ вечера, совершенно промокшіе, усталые и голодные, и, слегка поужинавъ, какъ убитые, заснули не раздѣваясь, такъ какъ съ разсвѣтомъ, по всѣмъ признакамъ, нужно было ожидать тревоги.

И, дѣйствительно, лишь только забрежжился разсвѣтъ, раздался столь знакомый намъ гулъ отдаленнаго не *нашего*, а *его* выстрѣла. Все вскочило, бивакъ оживился: кто сѣдаетъ, кто натягиваетъ шинель, кто, совсѣмъ готовый, держа коня въ поводу, попрыгиваетъ отъ предразсвѣтнаго холода...

— Зыковъ!—раздается голосъ генерала.

— Джика!—кричитъ «дѣдушка»,—до генерала!

Деньщики суетятся: «грѣютъ» чай, несутъ сапоги, помогаютъ офицерамъ снаряжаться въ аммуницію.

Но пока стрѣльба слышна была очень далеко, гдѣ-то вправо,

противъ I-го Сибирскаго корпуса. Лѣвѣ его стоялъ IV-й Сибирскій корпусъ, а затѣмъ уже нашъ отрядъ. Противъ насъ пока было все тихо, и генераль съ начальникомъ штаба поѣхали на позицію, посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Было еще только четыре съ половиною часа, и съ нашей стороны гула выстрѣловъ не было слышно. Противъ IV-го корпуса все было тихо, и генераль Мищенко до полученія приказанія отъ него не велѣлъ выводить сотни.

Такъ прождали мы часовъ до шести, когда заговорили и наши орудія со стороны IV-го корпуса. Конвойный казакъ привезъ приказаніе бригадѣ итти къ артиллерійской позиціи.

Около семи часовъ мы выступили изъ деревни Цылаогоу и въ семь съ половиною подошли къ позиціи, гдѣ наша артиллерія уже открыла огонь по непріятельской батарее, поражавшей лѣвый флангъ IV-го корпуса. Тѣмъ временемъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, на высотахъ впереди дер. Вонюши, двѣ сотни, бывшія въ сторожевомъ охраненіи подъ командой полковника Маціевскаго, отстрѣливались отъ наседавшей на нихъ непріятельской пѣхоты.

Въ помощь имъ еще лѣвѣ, между дер. Вонюши и Саньдаолинъ, были выставлены наши конно-горныя пушки подъ командой полковника Павлова, командира Читинскаго полка, а въ прикрытіе къ нимъ были назначены три сотни казаковъ.

Непріятель наступалъ по всему фронту, артиллерійскій огонь попеременно съ ружейными залпами разгорался все сильнѣе и сильнѣе, но около двѣнадцати часовъ сталъ замѣтно слабѣть и скоро совсѣмъ прекратился. Наступилъ перерывъ, продолжавшійся, болѣе часу. Около второго часа отъ полковника Маціевскаго получено было донесеніе, что онъ подъ напоромъ превосходныхъ силъ отошелъ въ деревню Вонюши. Такимъ образомъ нашъ лѣвый флангъ сильно обнажался, непріятель могъ легко насъ обойти. Генераль, прочитавъ донесеніе, перемѣнился въ лицѣ.

— Кто приказывалъ отходить!? Войсковой старшина Аничковъ!

Я подошелъ.

— Возьмите три сотни и смѣните полковника Маціевскаго, который уже сутки тамъ въ охраненіи! Сейчасъ же продвиньтесь впередъ и займите прежнюю линію вонъ на тѣхъ горахъ! Видите? Поняли?

— Такъ точно, слушаю-съ!

Сотни уже пошли на смѣну и были въ дер. Вонюши, когда я прибылъ туда въ сопровожденіи временно прикомандированнаго къ нашему отряду есаула 1-го Аргунскаго полка Тютчева.

Выѣхавъ на высоту впереди дер. Вонюши, я осмотрѣлъ въ бинокль все, что представлялось моимъ взорамъ, т.-е. всю широкую долину, по дну, которой текла рѣка сажень въ тридцать шириною, и ближайшіе скаты лежавшихъ по ту сторону рѣки горъ. Все было тихо, непріятеля не видно.

Шестая Читинская сотня подъесаула Колосовскаго лавой прошла долину, перейдя рѣку вбродъ и въ конномъ строю поднялась на высоту восточнѣе дер. Иншоугоу, гдѣ и спѣшилась, занявъ гребень цѣпью спѣшенныхъ казаковъ. Съ остальными двумя Верхнеудинскими сотнями (третьей сотника Чеславскаго и шестой подъесаула Семенова) я, также перейдя рѣку вбродъ, дошелъ до дер. Иншоугоу. Здѣсь мы спѣшились и, оставивъ коноводовъ у сѣвернаго края деревни, цѣпью прошли вдоль ущелья и поднялись на крутую высоту правѣе Иншоугоу. Здѣсь спѣшенные люди заняли гребень такъ, что могли удобно обстрѣливать какъ сосѣднюю высоту вправо, такъ и все ущелье продольнымъ огнемъ. Отсюда главнымъ образомъ можно было ожидать наступленія непріятельской пѣхоты въ виду удобства скрытнаго движенія по извилистому ущелью. Впередъ и въ стороны высланы были дозорные. Начальнику отряда послано донесеніе, что высоты вновь заняты, непріятеля же пока не видно.

Такъ простояли мы спокойно часовъ до трехъ, когда получено было донесеніе, что непріятельская пѣхота подходитъ къ намъ слѣва. Въ это же время и отъ начальника отряда получено мною извѣщеніе, что о движеніи на насъ пѣхоты ему уже сообщено, и что въ помощь мнѣ онъ высылаетъ двѣ роты Тобольскаго полка. Дѣйствительно, вскорѣ же вслѣдъ за привезшимъ конвертъ казакъ вдали показались двѣ роты нашей пѣхоты, солдаты, разувшись и засучивъ штаны, переходили вбродъ рѣку. Около трехъ съ половиною часовъ дня на гребнѣ высоты, что правѣе насъ, показались отдѣльные люди, вѣроятно, боковые дозоры двигавшейся по долинѣ Таюйгоу непріятельской колонны. Колонна эта, очевидно, была та самая, которая за часъ передъ тѣмъ отгѣснила

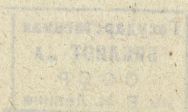
полковника Маціевского. Спустившись въ сосѣднее ущелье, долину Таюйгоу, она выходила теперь въ разрѣзъ между нашей артиллерійской позиціей (на которой находился самъ генераль) и мной, т.-е. угрожала разрѣзать наше боевое расположеніе. Видя это, тобольцы свернули вправо, и обѣ роты двинулись на непріятельскую колонну, каковую и успѣли задержать, не давъ ей дебушировать изъ ущелья, но, напротивъ, принудивъ занять высоты и тамъ остановиться.

Верхнеудинцы, въ свою очередь, дали нѣсколько залповъ вправо по тѣмъ отдѣльнымъ людямъ, которые вылѣзали на гребень, и заставили ихъ скрыться по ту сторону хребта.

Въ это время передніе дозорные, наблюдавшіе ущелье, лежавшее впереди, замѣтили и тамъ двигавшуюся японскую роту, которую намъ уже приходилось встрѣтить грудью и задержать, во что бы то ни стало. Оставивъ наверху съ двумя сотнями войскового старшину Ловцова, я самъ спустился внизъ, дабы, во-первыхъ, распорядиться отводомъ коноводовъ въ болѣе безопасное мѣсто, а, во-вторыхъ, осмотрѣть ущелье около деревни съ цѣлью, занявъ его тамъ, задержать противника ружейнымъ огнемъ. Давъ знать о приближеніи во мнѣ пѣхоты полковнику Павлову съ просьбой поддержать меня огнемъ горной артиллеріи и только-что успѣвъ отправить къ берегу рѣки коноводовъ, я собирался вновь подниматься на гору къ разсыпаннымъ людямъ, какъ вдругъ вижу скачущаго во весь опоръ казака, очевидно, ко мнѣ.

Оказывается, приказаніе начальника отряда немедленно съ двумя сотнями присоединиться къ нему, дабы сейчасъ же начать наступленіе всѣмъ отрядомъ противъ праваго фланга непріятельскаго расположенія; для наблюденія же за лѣвымъ флангомъ оставить одну сотню.

Приказавъ подбесаулу Колосовскому остаться на занятой имъ высотѣ и сообщивъ о своемъ уходѣ полковнику Павлову, я тотчасъ же спустил обѣ Верхнеудинскія сотни внизъ, вызвалъ коноводовъ и на рыскахъ повелъ дивизіонъ къ начальнику отряда. Приказаніе его было помѣчено четырьмя часами; но, пока казакъ меня разыскалъ, пока я собралъ, посадилъ людей и привелъ ихъ къ генералу, было уже пять. Генераль нетерпѣливо сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я слишкомъ копался, и тотчасъ, не медля ни ми-

нуты, приказалъ съ этими же двумя сотнями выйти ко второй артиллерійской позиціи впереди безыменной деревни (къ юго-западу отъ Цылаогоу), куда уже посланы были 4 конно-горныхъ и два казачьихъ, всего шесть, орудій съ двумя сотнями казаковъ.

Конь мой былъ весь въ мылѣ и тяжело дышалъ, такъ какъ ему все время приходилось лазать по горамъ, а теперь пройти пострашной жарѣ версты двѣ крупной рысью. Пришлось отправить его домой, а самому взять казачью лошадь.

Рысью повелъ я дивизіонъ дальше и, присоединивъ къ себѣ уже раньше отправленные двѣ сотни, сталъ въ прикрытіе артиллеріи, для чего пятую сотню Верхнеудинскаго полка размѣстилъ по гаюлану вправо отъ батареи, третью того же полка—влѣво отъ орудій, первую сотню Читинскаго полка выслалъ впередъ до деревни Тан-чи въ поддержку бывшей тамъ охотничьей командѣ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, а шестую сотню Верхнеудинскаго полка и всѣхъ коноводовъ поставилъ въ безыменной деревнѣ. Артиллерія уже открыла огонь, когда я прибылъ на позицію. Штабсъ-ротмистръ Ковальскій со своими горными «лягушками», какъ мы ихъ прозвали, и подбесаулъ Никоновъ съ двумя казачьими орудіями, лихо пристрѣлявшись, били непріятельскую батарею, вызвавъ на себя огонь и тѣмъ облегчивъ дѣйствіе пѣхоты IV корпуса, которая (батальонъ 12-го пѣхотнаго сибирскаго Барнаульскаго полка) въ этотъ моментъ штыками отбивала атаки японцевъ. Снаряды стали ложиться сперва около коноводовъ, а затѣмъ и около орудій, но, къ счастью, не особенно близко, такъ что за этотъ день въ нашей артиллеріи потерь не было.

Стало смеркаться, огонь по всей линіи затихалъ. Между тѣмъ по гаюлану стала подходить непріятельская пѣхота, и пули начали посвистывать мимо насъ. Тогда полковникъ Карцовъ, бывшій здѣсь старшимъ, по собственной инициативѣ приказалъ сниматься съ позиціи и отходить назадъ, что и было нами исполнено въ полномъ порядкѣ. Пользуясь наступившей темнотой, мы отошли совершенно спокойно. Бой затихъ. Только небольшія отдѣльныя вспышки ружейнаго огня или одиночные выстрѣлы давали знать о томъ, что еще не все успокоилось.

Собравшись въ палаткѣ, разбитой для генерала около первой артиллерійской позиціи, мы дѣлились впечатлѣніями минувшаго дня.

Бой былъ, очевидно, выигранъ ни пяди земли не отдано неприятелю, и всѣ его атаки отбиты.

— Слава Богу!—вдохнули всѣ присутствовавшіе при получении этого радостнаго извѣстія.—Наконецъ то побѣда! Ну, теперь держись, япошки! Завтра, конечно, впередъ! Переходъ въ наступленіе, а тамъ скорая побѣда и... конецъ войнѣ!

Но не долго пришлось намъ торжествовать побѣду. Это было около девяти часовъ вечера, а въ десять мы получили приказаніе ночью же выступить изъ Цылаогоу и отойти верстъ за пятнадцать назадъ въ деревню Цхенинлушань, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. При семъ въ приказаніи присовокуплялось, что войска всего южнаго фронта отходятъ назадъ.

— Вотъ тебѣ и побѣда! Что же это значить?—недоумѣвали всѣ.

Генералъ былъ чернѣе ночи. Съ раздраженіемъ въ голосѣ, видимо, уже не справляясь съ своими нервами, онъ пошелъ благодарить казаковъ-артиллеристовъ за ихъ молодецкую сегодняшнюю работу, поблагодарилъ ихъ горячо, отъ всей души, расхвалилъ такъ, какъ рѣдко когда хвалилъ.

Нужно было ему какъ-нибудь вылить накипавшее въ немъ чувство горечи и досады. Но какъ это сдѣлать? Браниться и критиковать высшее начальство было не въ его обычаяхъ. Стиснувъ зубы, онъ молча пошелъ къ своимъ любимцамъ казакамъ-артиллеристамъ и въ горячихъ словахъ высказалъ имъ свое уваженіе и искреннюю любовь.

— Вы знаете, братцы, почему я горжусь, что ношу мундиръ вашей батареи. Спасибо вамъ еще и еще разъ!

Громкое «рады стараться» было отвѣтомъ на горячую рѣчь любимаго начальника; и мощною силою отдались эти вырвавшіяся изъ сотни грудей отвѣтныя слова въ таинственной тишинѣ темной южной ночи. Пахнуло чѣмъ-то хорошимъ, бодрымъ. Мы всѣ почувствовали себя такими же сильными, готовыми идти въ огонь и въ воду, какъ эти герои-забайкальцы, [слава о которыхъ гремѣла по всей арміи.

— Мы русскіе, помилуй Богъ!—невольно вспомнились слова незабвеннаго Суворова.

Итакъ, не смотря на то, что противникъ расшибся о нашу

стойкость, что мы не уступили ему ни одного аршина земли, опять отступать, опять отходить на новую позицію! Въмѣсто того, чтобы довершить побѣду и на голову разбить врага, уже ослабленнаго сегодняшнимъ боемъ, мы снова давали ему возможность оправиться, собраться съ силами привести въ порядокъ разстроенныя части для того, чтобы черезъ недѣлю, много двѣ, нанести намъ опять чувствительный уронъ и еще, и еще подорвать наши падавшія моральныя силы!

Тяжелое разочарованіе было намъ наградою за молодецкій бой подъ Дашичао, бой, когда мы, наконецъ, были дѣйствительно, побѣдителями, когда славный Барнаульскій полкъ стяжалъ себѣ безсмертную славу, когда генераль Мищенко уже готовъ былъ вотъ вотъ обрушиться на врага и обойти его съ тылу, когда вся наша артиллерія I-го и IV-го сибирскихъ корпусовъ втеченіе семнадцати часовъ разстрѣливала японскія войска, нанося имъ тяжкія потери.

И за все это—приказъ объ отступленіи!

Высоко поднимается духъ арміи, когда она чувствуетъ себя побѣдительницей; но тѣмъ сильнѣе падаетъ ея нравственная сила, когда ее немилосердно бьютъ по самому чувствительному, больному мѣсту—самолюбію!..

А съ перваго же дня кампанія, съ самаго Тюренченскаго боя, насъ все время били по нервамъ, и армія, измотавшаяся, наконецъ, физически и нравственно, изъ мощной и храброй стала слабой, легко подверженной паникѣ, мало способной къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

— Насъ обходятъ!—стало лозунгомъ русскихъ войскъ въ несчастную японскую войну.

Насъ обходятъ,—значить, бѣги назадъ, бѣги безъ оглядки, чтобы успѣть прибѣжать раньше *ихъ*, не дать *имъ* обойти себя!

Падала сила, ослабѣвала энергія, пропадало мало-по-малу желаніе драться.

— Чего подставлять даромъ свой лобъ? Все равно, не осилить врага!—такъ разсуждали въ тихомолку и солдаты и офицеры.

— Очень ужъ онъ упоренъ,—говорили солдаты, *уходя само-вольно съ позицій.*

Да, *такъ* побѣдить было трудно, можетъ быть, даже *невозможно*; но мы, наивные люди, надѣялись...

— Вотъ придетъ еще корпусъ изъ Россіи...

Еще корпусъ!.. Сколько такихъ корпусовъ мы ждали!

Но подъ Ляояномъ въ послѣдній разъ натянулись нервы. *Теперь* ужъ конецъ отступленію! Здѣсь сильная, почти неприступная позиція, здѣсь русскихъ собралось уже порядочно: семь корпусовъ! Здѣсь, наконецъ, намъ было *приказано* удержаться, *объяснено*, что *больше отступать мы не будемъ*. И русская армія, полная рѣшимости, забывъ свои обиды и пораженія, съ приподнятыми нервами, стойкая, сильная, преградила путь дерзкому зазнавшемуся врагу... Вотъ она побѣда, вотъ она слава!.. Японцы разбиты, японцы отступаютъ... Нѣтъ, это ошибка, роковая ошибка: отступаемъ мы!..

И все полетѣло куда-то въ темную яму, въ бездонную пропасть! Воля, энергія, вѣра въ свою силу, честь русскаго оружія, все пропало, все исчезло, теперь уже безвозвратно безповоротно...

Пораженіе русской арміи здѣсь на поляхъ Ляояна. Здѣсь разбилась она морально и окончательно погибла. Остальное было только продолженіемъ... Мукденъ былъ дѣтищемъ Ляояна, его прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ... Тамъ уже была не сильная, могучая русская армія, а тѣни, призраки, носившіе въ себѣ самихъ микробы разложенія и пораженія...

А врагъ торжествовалъ. Съ каждымъ днемъ боя, съ каждымъ шагомъ, сдѣланнымъ имъ по пути, орошенному русскою кровью, сила его росла и росла, воля крѣпла, вѣра въ себя и въ свою непобѣдимость дошла до полного самозабвенія!..

И маленькіе, истощенные желтые человѣчки, направляемые Роккомъ, творили удивительное, чудное дѣло. Непобѣдимая дотолѣ великая русская рать уходила отъ этихъ карликовъ, какъ отъ зачумленнаго звѣря!..

Разбитые душой и тѣломъ, мы выступили въ часъ ночи. Впередъ двинулись обозы и артиллерія подъ общимъ начальствомъ полковника Карцова. Самъ генералъ шелъ въ аррьергардѣ съ обоими забайкальскими полками. Я поѣхалъ съ Карцовымъ: очень ужъ не весело было у меня на душѣ, и хотѣлось скорѣе уйти отсюда, куда-нибудь спрятаться, чтобы забыть этотъ день, вычеркнуть его навсегда изъ памяти!

Взошла луна и блѣднымъ матовымъ свѣтомъ освѣтила тихую теплую ночь... Мнѣ показалось, что дискъ ея плакалъ, и свѣтъ ея лучей какъ-то особенно странно мерцалъ, точно вздрагивалъ... Были шакалы, гдѣ-то стонали раненые... Лягушки неистово трещали въ каждой лужѣ, точно пѣли намъ прощальную пѣсню... Увидимъ ли мы когда-нибудь эти мѣста? Врядъ ли...

Проработавъ весь день, я чувствовалъ себя порядочно утомленнымъ: ужасно клонило ко сну, глаза смыкались. Но дѣлать было нечего, приходилось, не спавши, садиться на коня и отправляться въ путь-дорогу.

Впередъ двинулись обозы подѣ общимъ начальствомъ войскового старшины Куклина, за ними артиллерія подѣ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ. Тронулись тихо, не торопясь, чтобы не утомлять напрасно упряжныхъ лошадей. Да и торопиться было не куда: японцы никогда насъ не преслѣдовали, и съ послѣднимъ выстрѣломъ обыкновенно бой замиралъ до разсвѣта. Отойдя нѣсколько верстъ отъ Цылаогоу, обозы сбились съ дороги, взявъ невѣрное направленіе, но скоро, замѣтивъ свою ошибку, вернулись назадъ и при помощи проводника-китайца вышли, наконецъ, на настоящую дорогу. Благодаря этой неожиданной задержкѣ, мы потеряли около часа времени и только въ шестомъ часу утра прибыли на мѣсто въ дер. Цхенинлушань. Дорога была мѣстами очень плохая, каменистая, съ крутыми подъемами и узкими ущельями, такъ что артиллеріи, особенно заряднымъ ящикамъ, приходилось иногда очень трудно. Но неутомимые забайкальцы, уже сутки не смыкавшіе глазъ, весь день бывшіе въ жаркомъ бою, молча исполняли свое дѣло и преодолевали всѣ препятствія, ни разу не опрокинувъ и не попортивъ ни одного орудія.

Дер. Цхенинлушань расположена въ очень живописной узкой долинѣ, по краямъ которой съ обѣихъ сторонъ возвышаются отвѣсныя, дикія скалы. По дну долины протекаетъ небольшая рѣчка, поросшая раkitникомъ, а по бокамъ ея вплоть до самой подошвы горъ сплошь засѣянные гаолянномъ и чумизой тучныя, прекрасно разработанныя поля. Занявъ одну изъ построекъ деревни подѣ штабъ и отведя остальные для офицеровъ полковъ и батарей, мы, какъ только прибыли, тотчасъ же легли спать и проспали далеко за полдень.

Днемъ получено было приказаніе слѣдовать дальше, для чего выступить въ тотъ же день вечеромъ.

Между тѣмъ втеченіе дня къ намъ подошли какія-то небольшія части непріятельской кавалеріи, съ которыми наши сторожевыя сотни и завязали перестрѣлку около восьми часовъ вечера. За конницей показалась и пѣхота. Въ перестрѣлкѣ этой у насъ былъ тяжело раненъ вахмистръ второй сотни Верхнеудинскаго полка.

Отбили японцевъ огнемъ, заставивъ ихъ отойти, при чемъ ясно было видно, что у нихъ было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Получивъ донесеніе о томъ, что непріятель отошелъ, начальникъ отряда приказалъ сѣдлать, и въ девять часовъ вечера мы подъ проливнымъ дождемъ выступили изъ деревни Цхенинлушаня, а черезъ полтора часа уже были въ деревнѣ Иньцзыюй, гдѣ и остановились на ночлегъ. Здѣсь пробыли до четырехъ часовъ дня, а затѣмъ продвинулись еще верстъ на пять до дер. Яньшигоу.

На слѣдующій день, 14-го іюля, въ половину перваго опять двинулись дальше и такъ же медленно отступили до перевала, гдѣ и приказано намъ было занять линію сторожевого охраненія. Непріятельская пѣхота слѣдовала за нами по пятамъ, и разѣзды наши не теряли съ ней соприкосновенія. Однако, столкновенія на этотъ разъ не произошло, и мы, спокойно поднявшись на переваль и втащивъ туда наши «лягушки», стали въ охраненіи по горному хребту, спустивъ въ узкое ущелье казачью батарею, штабъ отряда и всѣ четыре казачьихъ полка. Въ «сторожовку» по очереди ходило по три сотни, при чемъ одна сотня занимала возвышенности правѣе перевала и горной батареи, другая—лѣвѣе, а третья, спустившись впередъ въ долину, выставляла цѣпь сторожевыхъ постовъ по самой долинѣ. Штабъ отряда занялъ деревню Судзяпудзы, полки же встали бивакомъ.

Видъ съ перевала былъ дивный: съ одной стороны (съ юга) разстилалась живописная долина, окаймленная красивыми зелеными горами, съ другой (съ сѣвера)—вдоль ущелья открывалась чудная панорама, видна была огромная равнина, въ концѣ которой въ туманѣ обрисовывались неясныя очертанія Ляояна. Между отдѣльными вершинами виднѣлся даже кусочекъ моря, и въ бинокль ясно различались силуэты двухъ кораблей.

Итакъ мы уже почти подошли къ сѣверной границѣ горной Манчжуріи. Еще одинъ-два перехода, и мы выйдемъ, наконецъ, на равнину, о которой мечтали столько времени. Конечъ скитаніямъ по горамъ, утомительнымъ, изнуряющимъ и людей, и лошадей, подъемамъ и спускамъ! Конечъ трудной, полной случайностей, горной войнѣ! Наконецъ-то начнется тотъ другой, давно желанный періодъ кампаніи, когда японцы выльзутъ изъ горъ, и мы сразимся съ ними въ чистомъ полѣ! Наконецъ-то шансы переменятся! Пускай-ка теперь «япошки» попробуютъ насъ одолѣть! Теперь мы сильнѣе! Теперь ужъ наша возьметъ, и побѣда, желанная побѣда, близка!

Увы, побѣда такъ и осталась для насъ только «желанной»! И на равнинѣ, какъ и въ горахъ, противникъ нашъ оказался сильнѣе и искуснѣе насъ, и дальнѣйшіе наши шаги были столь же для насъ неудачными, какъ и всѣ предыдущіе!

Еще одинъ славный бой выдержалъ нашъ отрядъ въ этихъ горахъ, еще разъ пришлось помѣриться силами въ проклятыхъ сопкахъ прежде, чѣмъ намъ удалось окончательно выйти на гладкое мѣсто. Перевалъ впереди деревни Судзяпудзы намъ пришлось занимать вплоть до восемнадцатаго числа, при чемъ двое сутокъ весь нашъ отрядъ находился около этой деревни, а шестнадцатаго штабъ отряда съ казачьей батареей и Верхнеудинскимъ полкомъ перешелъ въ деревню Цаомяоцзы (нѣсколько западнѣе предыдущей, за небольшимъ горнымъ кряжемъ, раздѣлившимъ нашу позицію на двѣ совершенно другъ отъ друга разобценныя половины). Здѣсь генералъ нашъ вступилъ въ командованіе цѣлымъ аррьергардомъ, въ составъ коего вошли еще тобольцы, омцы и десятый конно-артиллерійскій дивизіонъ. Такимъ образомъ всего въ нашемъ отрядѣ ко дню боя 18-го іюля было: восемь баталіоновъ пѣхоты, девятнадцать сотенъ, восемнадцать конныхъ и четыре горныхъ орудій.

Дни стояли необыкновенно жаркіе, сухіе, въ войскахъ стали учащаться случаи солнечныхъ и тепловыхъ ударовъ. До семнадцатаго включительно непріатель не проявлялъ никакой дѣятельности, и мы уже начали думать, что японцы здѣсь не намѣреваются дать намъ сраженіе, а, либо прикрывшись съ фронта отъ нашихъ разбѣдовъ, замышляютъ совершить передвиженіе на вос-

токъ и обрушиться на отрядъ графа Келлера, либо выжидаютъ подкрѣпленій, чтобы дать намъ здѣсь при выходѣ изъ горъ послѣдній рѣшительный бой при благоприятныхъ для себя условіяхъ горной мѣстности.

Но вотъ, по донесеніямъ нашихъ шпионовъ-китайцевъ, а также и развѣздовъ, мы узнали вечеромъ семнадцатаго, что у непріятеля замѣтно какое-то движеніе: части переходятъ съ мѣста на мѣсто, обозы отходятъ назадъ, сторожевое охраненіе усиливается.

— Завтра будетъ бой, — сказали генераль, — надо быть на чеку.

И дѣйствительно, восемнадцатаго іюля въ пятомъ часу утра мы были разбужены пушечнымъ выстрѣломъ, ясно донесшимся до насъ со стороны непріятеля.

Опять забѣгали, засуетились деньщики, зашевелился весь нашъ бивакъ, и въ пять съ половиною часовъ утра мы съ генераломъ уже были на нашей артиллерійской позиціи на небольшомъ холмикѣ впереди деревни Цаомяоцзы. Позиція эта, занятая двумя конными батареями (11-й и 20-й) 10-го дивизіона, была не изъ удобныхъ, такъ какъ оказалась совершенно открытой и прекрасно обстрѣливалась съ близлежащихъ горъ, которыя всѣ надъ ней командовали. Но покамѣстъ всѣ эти горы были въ нашихъ рукахъ, и противникъ стрѣлялъ изъ-за нихъ.

Въ шесть часовъ наши орудія открыли огонь, а пѣхота (Тобольскій и Омскій сибирскіе полки) двинулась по гаюлянѣ вправо и влѣво отъ батареи и скоро завязали перестрѣлку съ непріятельской пѣхотой.

Между тѣмъ лѣвый участокъ нашей позиціи, отъ котораго мы были отдѣлены горами, занятый четырьмя конно-горными орудіями штабсъ-ротмистра Ковальскаго, оренбургской бригадой и Читинскимъ полкомъ, подвергся неожиданному натиску стремительно наступавшей на него сильной непріятельской колонны, при чемъ одна японская батарея, заѣхавъ во флангъ нашему расположенію, стала поражать мѣткимъ огнемъ не только участокъ нашей позиціи, но и сосѣдей нашихъ, войска II-го сибирскаго корпуса.

Въ шесть съ половиною часовъ утра у насъ раненъ былъ ружейною пулею на вылетъ въ голову 11-й конной батареи штабсъ-капитанъ Добрышинъ и убитъ одинъ наводчикъ. Вслѣдъ за До-

брышинымъ и также ружейною пулек раненъ полковникъ Карцовъ. Артиллерійскій бой разгарался все больше и больше. Непріятельскіе снаряды ложились очень близко отъ нашихъ орудій, поражая больше коноводовъ и ящики, вслѣдствіе чего послѣдніе были передвинуты дальше. Два часа подрядъ шла непрерывная стрѣльба. Свистъ снарядовъ, трескъ разрывовъ, гулъ нашихъ орудій, команды батарейныхъ командировъ все это слилось въ одинъ общій вой. Артиллеристы работали великолѣпно: не смотря на то, что оба батарейные командира были контужены (оба остались въ строю), орудія ни на минуту не смолкали, и люди едва успѣвали подносить снаряды, бѣгомъ вбѣгая на гору и снова спускаясь въ оврагъ къ ящикамъ за новыми лотками. Къ счастью, не всѣ непріятельскія гранаты лопались, благодаря чему мы несли очень мало потерь въ людяхъ. Помню, какъ одинъ снарядъ упалъ подъ самый ящикъ въ тотъ моментъ, когда ѣздовые и номера садились, чтобы ѣхать къ парку за новыми снарядами, Громадный столбъ пыли и камней на нѣсколько секундъ скрылъ отъ насъ все, и мы думали, что отъ ящика, прислуги и лошадей осталось одно воспоминаніе. Каково же было наше изумленіе, когда мы увидали, что всѣ цѣлы и невредимы, и люди совершенно спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли на лошадей и рысью поѣхали по назначенію; только одна коренная лошадь захромала.

Съ восьми до десяти часовъ бой затихъ. Это обычная тактика японцевъ, которую мы отлично знали: это значить, что они подвозятъ ближе свои орудія, мѣняютъ позицію. Очень скоро мы и убѣдились въ истинѣ нашего предположенія, такъ-какъ съ десяти часовъ огонь возобновился съ страшной силой, при чемъ гранаты стали прилетать къ намъ и съ фронта, и съ праваго фланга.

Стало, что называется, жарко. Генераль, заложивъ руки за спину, спокойно расхаживалъ по батарее и хладнокровно руководилъ дѣйствіями своего отряда. То и дѣло пріѣзжали ординарцы съ донесеніями то съ лѣваго фланга, то съ праваго. Долина позади насъ буквально засыпалась снарядами: кое-гдѣ валялись убитыя лошади, нѣсколько фанзъ деревни Санъченцзы разбиты, протаскивали на носилкахъ нѣсколько раненыхъ... Поручикъ Арешевъ (Омскаго полка) уже нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ передовой линіи за приказаніями, карьеромъ проскакивая эту «долину смерти»,

но каждый разъ благополучно избѣгая рвавшихся всюду снарядовъ.

Генераль, улыбаясь, присѣлъ на гребень холма и, посмотрѣвъ вокругъ себя, проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Сегодня, знаете ли, хорошій экзаменъ.

— Да, и надо получить за него двѣнадцать балловъ—отвѣтилъ я, пересиливая себя и также стараясь улыбнуться. А на душѣ скребли кошки, и нужно было употреблять нечеловѣческія усилія, чтобы спокойно сидѣть рядомъ съ генераломъ и не «кланяться» пролетавшимъ надъ нашими головами шипѣвшимъ и свистѣвшимъ гранатамъ, съ оглушительнымъ трескомъ рвавшимся то тутъ, то тамъ.

Пока мы сидѣли такимъ образомъ небольшой группой на гребнѣ нашего холма, позади насъ вдругъ раздался глухой ударъ, трескъ, и бывшій совсѣмъ рядомъ съ генераломъ хорунжій Петровъ со стономъ наклонился на бокъ и тихо повалился лицомъ внизъ. По затылку струей бѣжала густая, черная кровь. Его подхватили и потащили на перевязочный пунктъ. Генераль такъ же спокойно продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, но мы не выдержали и трое или четверо перешли немного правѣ. Какъ будто тамъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ было безопаснѣе! Но таковы нервы чело-вѣка, во время боя доходящіе до высшей степени напряженія. Въ двѣнадцать часовъ получено донесеніе, что полковникъ Павловъ, начальникъ лѣваго участка, выбылъ изъ строя отъ солнечнаго удара, а штабсъ-ротмистръ Ковальскій раненъ пулею въ руку въ то время, какъ самъ, сидя верхомъ на хоботѣ, наводилъ орудіе на лѣзшую на гору непріятельскую пѣхоту. Орудія одно за другимъ подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ пришлось спустить съ высоты въ лощину, по каковой и отступать все время подъ градомъ пуль и шрапнелей. Командованіе лѣвымъ участкомъ принялъ командовавшій 12-мъ Оренбургскимъ полкомъ войсковой старшина Бычковъ, который и отступилъ съ артиллеріей и всѣми тремя казачьими полками, обнаживъ, такимъ образомъ, нашъ лѣвый флангъ и давъ возможность японцамъ, выдвинувъ батарею, начать громить правый флангъ расположенія II-го Сибирскаго корпуса, гдѣ въ это время находились роты Воронежскаго и Козловскаго полковъ.

Противъ праваго нашего участка въ это время огонь снова за- тихъ: очевидно, непріятель опять мѣнялъ позицію. Забайкальская батарея усилила нашу артиллерію, ставъ правѣе 11-й конной. Съ двухъ часовъ пополудни загремѣли японскія пушки, снаряды сы- пались на насъ почти безъ промежутковъ, но люди работали само- отверженно, и всѣ чины отряда доблестно исполняли свой долгъ. Между тѣмъ пѣхота, продвинувшись значительно впередъ, осыпае- мая пулями и снарядами, залегла и дальше двигаться не могла, такъ какъ резервы уже были всѣ израсходованы.

Командиръ бригады, генералъ-майоръ Шилейко, пріѣхалъ на позицію за дальнѣйшими приказаніями.

Къ этому моменту боя нѣсколько орудій отказались работать (испортились компрессоры), и батарейные командиры донесли, что снарядовъ больше нѣтъ.

Тогда, видя невозможность долѣе держаться, генералъ прика- залъ начать отходить назадъ, для чего забайкальцамъ (у которыхъ еще осталось нѣсколько снарядовъ) велѣно было усилить огонь, прочей же артиллеріи постепенно снимать съ позиціи орудія.

Въ такія минуты особенно важно хладнокровіе и самообладаніе начальниковъ и видна дисциплина части. Самъ генералъ оставался на позиціи, пока послѣднее орудіе не было спущено въ лощину. Японцы, замѣтивъ ослабленіе нашего огня и понявъ, въ чемъ дѣло, довели свой огонь до высшей степени. Это былъ какой-то адъ кромѣшный! Сердце усиленно билось, и страшно хотѣлось ско- рѣй куда-нибудь спрятаться; но, глядя на генерала, спокойнаго, невозмутимаго, терпѣливо ожидавшаго послѣдняго орудія, невольно становилось стыдно, приходилось всѣми силами бороться со своими нервами и... также улыбаться...

— Вы думаете, что есть храбрые люди?—говорилъ мнѣ потомъ генералъ.

— Все это пустяки, знаете ли. И мнѣ страшно въ душѣ, и вамъ, и всякому смертному. Но нужно *бороться съ собой и ни- кому не показывать своего страха*. Это и есть то, что назы- вается храбрость. Люди смотрятъ на васъ и забываютъ опасность. Въ такіе моменты, какъ бой, личный примѣръ заражаетъ, увлекаетъ людей; какъ искра, какъ молнія подхватываетъ человѣка порывъ увлеченія. Этимъ порывомъ надо пользоваться. Да, знаете

ли, храбрость это — пустяки. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда страшно; особенно къ артиллерійскому огню не могу привыкнуть, да это, по моему, и невозможно.

И я вспомнилъ слова принесеннаго китайцами раненаго то-больца:

— Извѣстно, ваше высокоблагородіе, живой смерти боится.

Какъ просто и какъ вѣрно! Именно такъ: *живой не можетъ не бояться смерти*. Если же онъ, дѣйствительно, не боится, то онъ или пьяный, или безумный, или находится подъ вліяніемъ минутнаго аффекта.

Но не показывать своего страха, вотъ это — самое трудное.

Я припоминалъ, какъ генералъ во время огня спокойно расхаживалъ по позиціи, заложивъ руки за спину. Онъ былъ хладнокровенъ, но я видѣлъ, какъ лицо его передергивало и брови складкой сжимались на лбу.

Не легко ему, видно, было пересиливать себя и *казаться* спокойнымъ!

Безусловно, самое тяжелое положеніе тѣхъ, кто не занятъ дѣломъ, а лишь какъ-бы *присутствуетъ* во время боя. Такъ люди, занятые стрѣльбой, т.-е. прислуга при орудіяхъ, офицеры, руководящіе огнемъ, во время самага дѣйствія значительно меньше волнуются, чѣмъ тѣ, которымъ приходится только *стоять* на позиціи. Эти послѣдніе ничѣмъ не отвлекаются, и опасность у нихъ все время передъ глазами.

Спустивъ всѣ двѣнадцать орудій и приказавъ подобрать лотки и ящики изъ-подъ снарядовъ (чтобы ничего не доставалось врагу), генералъ перешелъ на забайкальскую батарею, которая въ это время направила огонь на выѣхавшую на самый гребень впереди лежащихъ горъ непріятельскую горную батарею. Удачнымъ выстрѣломъ подѣсаулъ Станкевичъ подбилъ одно непріятельское орудіе, а вскорѣ и всю батарею привелъ къ молчанію.

Когда же и забайкальцы выпустили свой послѣдній снарядъ, весь отрядъ потянулся въ ущелья двумя колоннами, при чемъ по долинѣ, надъ которой въ это время такъ и рвались японскіе снаряды, мы шли *шагомъ*, генералъ со свитой и штабомъ *позади всѣхъ*.

Жутко было переживать этотъ моментъ, у всѣхъ лица были

невеселыя, но ничего не подѣлаешь: приходилось сдерживать себя и съ завистью смотрѣть на тѣхъ, которые уже миновали благополучно эту проклятую «долину смерти»...

Вдругъ, только что мы дошли до середины долины, какъ генералъ увидаль подъ деревьями массу брошенныхъ пѣхотныхъ шинелей и мѣшковъ.

— Это что!? Конвой, слѣзай! Подобрать все!

И мы стояли и ждали, пока все до послѣдняго мѣшка было подобрано...

— Нельзя, господа! Потому, какъ мы оставляемъ поле сраженія, непріятель судить о степени нашего духа,—говорилъ генералъ.—Если валяются брошенными разныя вещи, значить отступали въ безпорядкѣ. А для противника это очень важно.

Наконецъ «долину смерти» миновали, прошли деревою Саньченцзы и втянулись въ ущелья: Верхнеудинскій полкъ, забайкальская батарея и всѣ ящики составили лѣвую колонну, съ которой пошелъ и я; остальная артиллерія и пѣхотная бригада съ генераломъ Мищенко двинулись правымъ ущельемъ.

Около десяти часовъ вечера обѣ колонны сошлись въ деревнѣ Лаомяобалихецзы, гдѣ и заночевали.

Расположившись на ночлегъ на дворѣ большой кумирни подъ великолѣпными развѣсистыми раkitами, мы спокойно выспались, ни кѣмъ не потревоженные, и, проснувшись около шести часовъ, въ силу полученнаго ночью приказанія снова пошли занимать вчерашнюю позицію, такъ какъ, сегодня долженъ былъ отходить къ Хайчену II-й Сибирскій корпусъ генерала Засулича; намъ же поручено было, выдвинувшись впередъ, прикрыть это отступленіе.

Въ шесть съ половиною часовъ утра отрядъ генерала Мищенко въ составѣ двухъ батальоновъ 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка, двухъ батальоновъ 140-го пѣхотнаго Зарайскаго полка (всѣ эти четыре батальона прибыли къ намъ ночью), одного батальона 10-го пѣхотнаго сибирскаго Омскаго полка, всѣхъ четырехъ нашихъ казачьихъ полковъ и одной батареи 35-й артиллерійской бригады (прибыла съ моршанцами и зарайцами) выступилъ съ ночлега по тому дефиле, по которому вчера отходила наша правая колонна, т.-е. на деревни Цангоу и Лаомугоу.

Пройдя дефиле, генералъ выбралъ позицію въ томъ мѣстѣ,

гдѣ это дефиле выходило въ долину Саньченцзы, расположивъ артиллерію совершенно укрыто, пѣхоту же выдвинувъ вправо и частью влѣво по склонамъ окаймлявшихъ долину горъ. Сегодняшняя задача наша была чисто пассивная, при чемъ и японцы, видимо, ничего особеннаго предпринимать не хотѣли, такъ какъ они даже не воспользовались ночью и нашимъ вчерашнимъ отходомъ, чтобы занять дефиле и долину Саньченцзы. Долго пристрѣливалась наша батарея, но никакъ не могла вызвать огня со стороны противника. Видно, попадали не туда, куда слѣдуетъ. Генераль уже нѣсколько разъ посылалъ къ батарейному командиру съ различными указаніями, но послѣдній почему-то упорно продолжалъ руководить огнемъ по своему, и результатовъ никакихъ не получалось.

— Упрямый народъ эти батарейные командиры,—проворчалъ генераль.—Не хочу вмѣшиваться въ его дѣло. Пусть стрѣляетъ по своему! Сегодня, все равно боя не будетъ. А ну-ка, Георгій Акимычъ, пошлите-ка за нашей батареей. Пусть-ка она ихъ поучитъ немножко, покажетъ, какъ нужно стрѣлять!

Часамъ къ одиннадцати на полныхъ рысяхъ прибыла забайкальская батарея и стала правѣе пѣшей артиллеріи. Заглянувъ въ карту, измѣривъ разстояніе циркулемъ, войсковой старшина Гавриловъ скомандовалъ «огонь».

Рявкнуло первое орудіе,—недолетъ. Рявкнуло второе,—перелетъ. Третій снарядъ уже разорвался надъ головами японцевъ, о чемъ сейчасъ же донесли сигнальщики, наблюдавшіе съ высокой сопки за паденіемъ нашихъ снарядовъ. А черезъ часъ загрохотали и непріятельскія пушки, и на насъ посыпались горныя гранаты, а затѣмъ и крупныя «шимозы», вздымавшія при разрывѣ цѣлые столбы чернаго, удушливаго дыма. Съ нестерпимымъ шипѣніемъ и воемъ летѣли эти «шимозы» черезъ наши головы, поражая все пространство позади насъ и разрываясь то въ самомъ ущельи, то между горами, и тогда особенно гулко отдавались эти страшные оглушительные разрывы. Казачьи полки, стоявшіе въ резервѣ за нашимъ флангомъ, стали терпѣть отъ снарядовъ, и ихъ пришлось отвести; наши коноводы (штабные), пріютившіеся было въ оврагъ позади насъ, также должны были перемѣнить нѣсколько разъ мѣсто, чтобы не нести напрасныхъ потерь. Лошади, напуган-

ныя гуломъ «шимозъ», вырывались изъ рукъ и, задравъ кверху хвосты, носились по ущелью.

Дѣйствительно, эффектъ отъ разрыва «шимозъ» очень сильный; но дѣйствіе ихъ, весьма разрушительное при попаданіи въ постройки, или окопы, мало дѣйствительно, если поражать приходится стрѣлковыя цѣпи, отдѣльно стоящія батареи и т. д. Дѣйствіе разрыва фугасное, т.-е. осколки разбрасываются очень мало въ стороны и летятъ фонтаномъ кверху. Но видъ разрыва отъ вылетающаго клуба густого черного дыма очень страшенъ и производитъ весьма непріятное впечатлѣніе.

Подъ этимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ шимознаго огня намъ пришлось пробыть цѣлый день вплоть до сумерокъ, при чемъ солнце жгло насъ немилосердно, и мы совершенно изнемогали отъ его палящихъ лучей. Некуда было укрыться отъ невыносимой жары, потому что вблизи не было ни одного кустика, и мы кое-какъ прятались подъ растянутыми на пикахъ двумя тремя полотнищами казачьихъ палатокъ.

Но не смотря на очень сильный огонь, потерь въ нашихъ батареяхъ за весь день почти не было благодаря очень искусному ихъ расположенію и тщательной маскировкѣ. Лишь два снаряда попали въ забайкальскую батарею, но по какой-то необыкновенно счастливой случайности все обошлось благополучно. Одинъ снарядъ «шимоза» упалъ впереди батареи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій и не разорвался; другой попалъ подъ самое дуло одной изъ пушекъ и также не разорвался, но лишь поднялъ громадный столбъ пыли и камней, при чемъ однимъ камнемъ ушибло артиллериста, только-что собиравшагося дать выстрѣлъ. Казакъ упалъ отъ удара, но тотчасъ же вскочилъ, снова схватился за шнуръ и дернулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ впечатлѣніе отъ паденія этого снаряда было ужасное, и мы, стоя на сосѣднемъ холмикѣ, принявъ черную пыль за столбъ дыма, одно мгновеніе думали, что батарея разлетѣлась въ клочья. Но вотъ пыль разсѣялась, и мы увидали всѣхъ артиллеристовъ на своихъ мѣстахъ, совершенно хладнокровно продолжавшими свое дѣло, какъ будто около нихъ ничего не произошло. Войсковой старшина Гавриловъ, сидя около перваго орудія съ папироской въ зубахъ, тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ подавать команды.

Генераль пришель въ восторгъ отъ этой удивительной храбрости батареи. *Ни одинъ человекъ не шевельнулся съ мѣста, не нагнулся, не присѣлъ!* Только ушибленный, свалившись отъ удара, выпустилъ шнурокъ изъ рукъ. Но черезъ минуту, оправившись, онъ уже далъ выстрѣлъ...

— Спасибо, молодцы-забайкальцы!—крикнулъ генераль, и на лицѣ его заиграла довольная улыбка.

Да, этими людьми можно было гордиться! Гавриловъ и всѣ офицеры и нижніе чины 1-й забайкальской батареи были истинными героями во всѣхъ бояхъ, гдѣ имъ приходилось участвовать. Они не знали, что значить бояться и не исполнить своего долга. Подъ самымъ страшнымъ огнемъ они работали у своихъ орудій такъ же хладнокровно, какъ на смотрѣ или маневрахъ; батарейный командиръ, не обращая никакого вниманія на лопавшіеся около него снаряды, никогда не возвышалъ голоса, не волновался и совершенно спокойно командовалъ прицѣлъ и трубку.

Около семи часовъ вечера, когда задача наша была выполнена и корпусъ Засулича подъ нашимъ прикрытіемъ отошелъ со своихъ позицій, намъ приказано было вернуться на бивакъ, что мы и выполнили вполнѣ благополучно. Конечно, и сегодня, какъ и вчера, лишь только мы начали сниматься съ позиціи, непріятель сталъ усиленно осыпать насъ «шимозами»; но снаряды ложились нѣсколько лѣвѣе нашего пути слѣдованія, и мы, искусно лавируя, безъ потерь вышли изъ сферы огня. Шли, какъ и всегда шагомъ, генераль со штабомъ позади всѣхъ. Остановившись и пропустивъ мимо себя моршанцевъ и зарайцевъ, генераль благодарилъ всѣхъ за сегодняшній бой, особенно же, конечно, расхвалилъ свою любимую батарею, еще разъ заслужившую горячую признательность начальника. Моршанцы и зарайцы пріятно поразили насъ своимъ молодецкимъ видомъ. Стройно и весело шли они мимо начальника отряда и бойко отвѣчали на его привѣтствія. Они были первый разъ въ нашемъ отрядѣ и, видимо, хотѣли заслужить похвалу такого генерала, какъ Мищенко. Всѣми четырьмя батальонами командовалъ молодецъ командиръ Моршанскаго полка полковникъ Петровъ, георгіевскій кавалеръ, контуженный въ этомъ бою и явившійся генералу съ перевязанной головой.

Вернувшись на прежній бивакъ, мы получили новое приказаніе, завтра прикрывать отступленіе 1-го сибирскаго корпуса.

Такимъ образомъ приходилось ночевать здѣсь еще одну ночь и завтра снова выдержать бой. Между тѣмъ за два дня боя люди пришли въ очень напряженное состояніе, и во всѣхъ частяхъ замѣтно было сильное утомленіе, каковое и сказалось въ эту ночь въ сторожевомъ охраненіи. Въ виду близости непріятеля, посты должна была выставлять пѣхота, а именно Тобольскій полкъ. Третій батальонъ, бывшій цѣлый день въ бою и совершенно истомленный жаромъ и передвиженіемъ по горамъ (люди были сильно нагружены, что при 45-и градусной жарѣ не могло не отразиться на ихъ подвижности и крайне утомило мало втянувшихся еще по большей части запасныхъ нижнихъ чиновъ), долженъ былъ разставить сторожевые посты вмѣстѣ съ одной сотней Читинскаго полка. Одинъ изъ людей поста заснулъ и, вѣроятно, увидавъ что-нибудь во снѣ, съ сонны далъ выстрѣлъ. Мгновенно по всей линіи завязалась перестрѣлка, поднялась тревога, всѣ заставы стали въ ружье. У насъ на бивакѣ также многіе проснулись. Пришлось разбудить генерала, который и приказалъ поднять людей. Но, пока мы приводили въ исполненіе это приказаніе, изъ сторожевого охраненія прискакалъ офицеръ и сообщилъ, что тревога была фальшивая и что впереди все спокойно.

Остатокъ ночи прошелъ тихо, а на слѣдующее утро намъ велѣно было черезъ городъ Хайченъ передвинуться въ деревню Янтай и стать на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашего общаго разположенія. Здѣсь отряду Мищенко обѣщанъ былъ отдыхъ, на что онъ, конечно, имѣлъ полное право разсчитывать въ виду безсмѣнной тяжелой работы съ начала кампаніи втеченіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ закончился первый періодъ дѣятельности этого доблестнаго отряда. Наступила новая эпопея, періодъ Ляоянскихъ боевъ, въ которыхъ на долю генерала Мищенко выпала отвѣтственная задача стяжавшая ему не меньшую славу, чѣмъ вся первая половина кампаніи.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній мнѣ бы хотѣлось въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ охарактеризовать этого доблестнаго генерала, имя котораго съ самыхъ первыхъ дней войны стало необыкновенно популярно въ Россіи.

Генералъ Мищенко—одинъ изъ лучшихъ талантливѣйшихъ

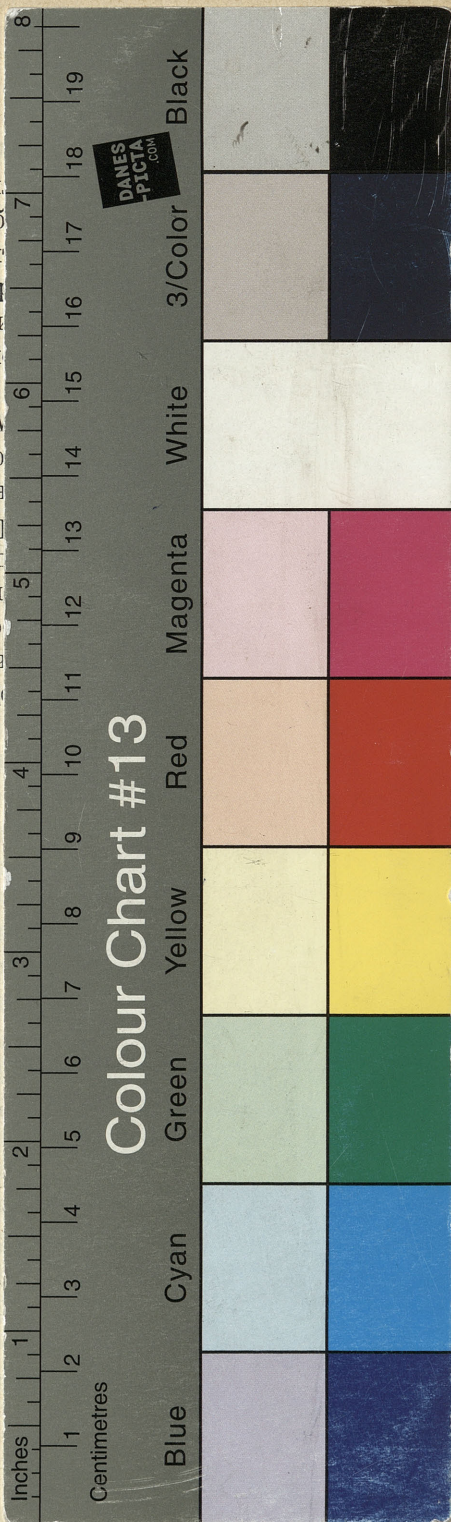
представителей нашей армии. Онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ условія необходимыя для высшаго командованія. Необыкновенно смѣлый и спокойный въ бою, онъ умѣетъ увлекать за собой толпу, умѣетъ заставить своихъ подчиненныхъ любить и уважать себя.

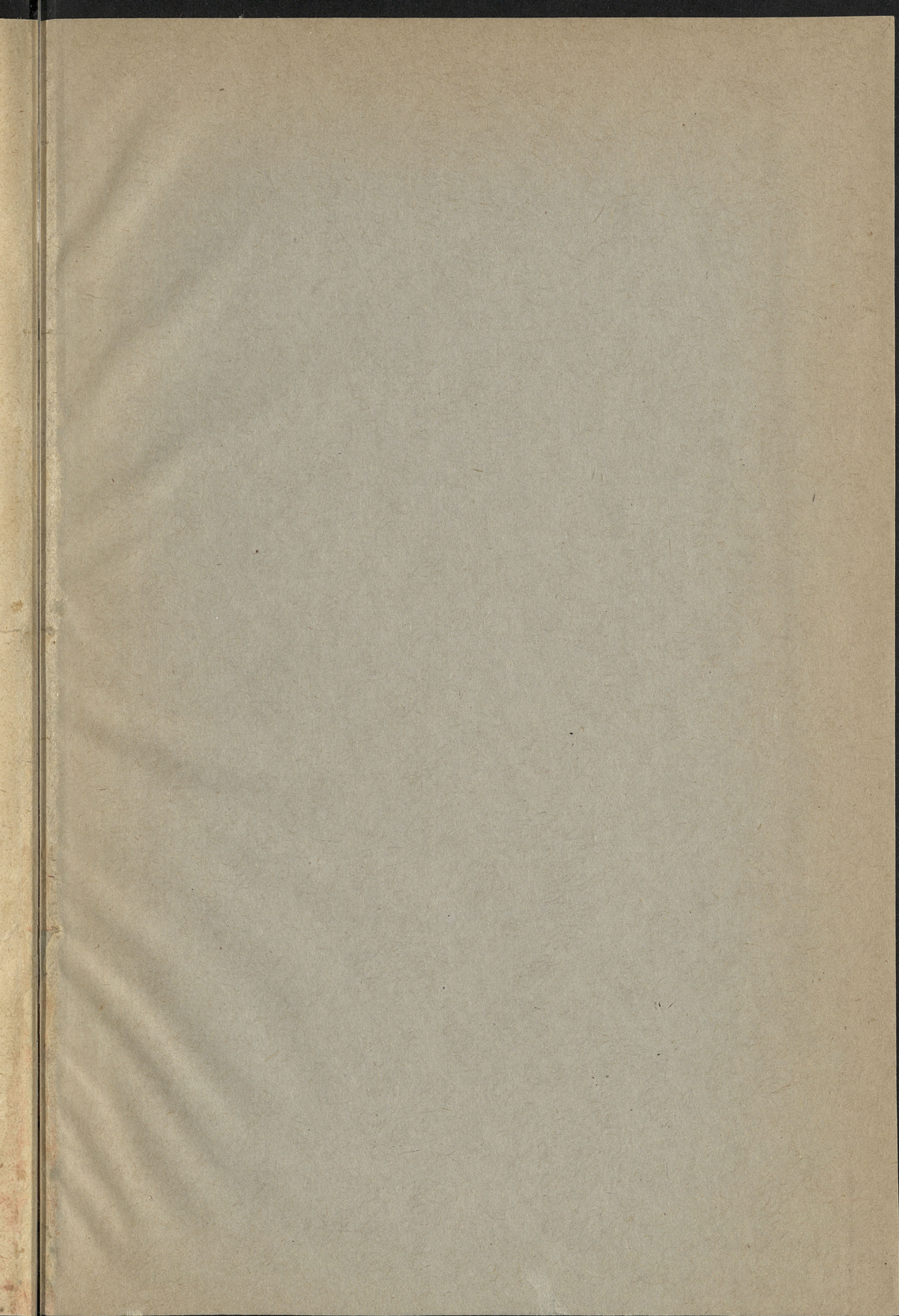
Обладая широкимъ общимъ и военнымъ образованіемъ и въ то-же время отличаясь глубокимъ и свѣтлымъ умомъ, Павелъ Ивановичъ необыкновенно легко схватываетъ общую идею, ясно представляетъ себѣ обстановку, никогда не теряется и превосходно разбирается въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ.

Твердость воли и характера его извѣстны всѣмъ. Умѣнье рѣшиться, брать на себя инициативу, т.-е. гражданское мужество, столь рѣдко встрѣчаемое въ русскихъ людяхъ, также присуще ему въ высокой степени. Если же ко всему перечисленному присовокупить безупречную честность убѣжденій и необыкновенную сердечность и доброту по отношенію къ людямъ, то мы составимъ себѣ вполне точное представленіе о Павлѣ Ивановичѣ, какъ о человѣкѣ вообще и воинѣ въ частности. Побольше бы намъ такихъ людей, и армія русская скоро возстановила бы свою былую славу.

Твердость во-
пашся, брать в
столю рѣдко вст
въ высокой степ
купить безупреч
дечность и добр
себѣ вполнѣ точ
человѣкѣ вообщ
людей, и армія

Умѣнье рѣ-
кое мужество,
присуще ему
ному присово-
военную сер-
мы составимъ
вичѣ, какъ о
ы намъ такихъ
о былую славу.

1500218641

ВОЕННОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

В. К. Шнеуръ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

В. Ө. Новицкій. Сандепу. Стратегическій очеркъ наступленія 2-й манчжурской арміи въ январь 1905 года (съ 7-ю чертежами). 1 р.

А. Рябининъ. Сторожевая служба пѣхоты въ Русско-Японскую войну (съ чертежами). 50 к.

А. В. фонъ-Шварцъ. Изъ Дневника Инженера—нѣкоторые фортификаціонныя данныя борьбы за Портъ-Артуръ (съ чертежами). 50 к.

Того же автора: Изъ Дневника Инженера—замѣтки по полевой фортификаціи (съ чертежами). 75 к.

Политическія права военныхъ. 40 к.

Н. Шнеуръ. Служба кавалерійскихъ разъѣздовъ въ Русско-Японскую войну 1 р.

П. Д. Гирсъ. Конно-охотничьи команды въ Русско-Японскую войну, съ 10-ю планами 1 р.

В. А. Апушкинъ. Куропаткинъ (силуетъ) 1 р.

П е ч а т а ю т с я :

Полковникъ П. Д. Парскій. Воспоминанія участника о минувшей войнѣ.—Стоянка на Шахэ.—Мукденскій погромъ.—Сяпингайскія позиціи.

Того же автора: Необходимыя реформы въ арміи.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ: С.-Петербургъ, Невскій 104, кв. 30.

Цѣна 50 коп.

1907.